

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

УКОЛ
КИТАЙСКИМ
ЗОНТИКОМ

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Укол китайским зонтиком

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Укол китайским зонтиком / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2020 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-04-108883-5

Чего не сделаешь ради дружбы – вот и пришлось Надежде Лебедевой рыться на помойке, чтобы помочь приятелю, художнику Игорьку. Но эти раскопки принесли драгоценную находку: в обломках старого хлама, принадлежавшего недавно убитой женщине, Надя нашла открытку с изображением фарфоровой китайской куклы. На самом деле таких кукол шесть, и все они, согласно легенде, хранят сокровенную тайну. Теперь этих куколок ищет странный тип, похожий на огромную летучую мышь. А за самой Лебедевой начала охоту секретная правительственная организация, агенты которой все никак не могут поверить, что обычная домохозяйка может так профессионально запутывать следы и уходить от преследования...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108883-5

© Александрова Н. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	35
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Укол китайским зонтиком

© Александрова Н.Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

«Пройду через двор, – подумала Надежда, – выйду прямо на проспект, там на маршрутку сяду, так будет быстрее. И так сколько уже времени потеряла».

И тут же одернула себя – не стоит давать волю своему раздражению, и даже в мыслях не стоит проявлять недовольства. Потому что речь идет о ее родной тетке. Которая у нее, кстати, единственная и неповторимая. Тетка душой по-прежнему молода, но из дому выходить может с трудом. Но ужасно упряма.

Вот и на этот раз: разбилось стекло в очках. Казалось бы, идешь в ближайшую оптику и заказываешь новые. Надежда согласна была тетку даже сопровождать.

Но не тут-то было. Тетке втемяшилось в голову, что незачем тратить деньги на новую оправу, а нужно только вставить стекло. Ну и чуть-чуть подправить дужки. Но в ближайшей оптике подняли Надежду на смех – дескать, они такую рухлядь и в руки не возьмут, давно пора эту оправу выбросить. Услышав такое из уст Надежды, тетка уперлась, что называется, рогом, высказалась нелицеприятно о работниках оптики, о новых временах, о людях, которые не берегут вещи, и заодно уж о самой Надежде – не может настоять на своей правоте, отстоять принципы. Тетка-то настоять на своем умела, но было это давно, теперь же она была не в лучшей форме. Но признавать этого не желала.

В результате Надежда провисела полдня на телефоне в поисках нужной мастерской и нашла ее в центре, где мастер в крохотном подвальном помещении чинил старые оправы. В общем, на все про все ушел целый день, а ведь еще надо будет приехать за заказом.

Оптика притулилась в углу проходного двора. Надежда с тоской вдохнула запахи пригорелой каши, суточных щей и еще чего-то и вовсе неудобоваримого, что доносилось из открытых окон по причине теплой погоды, и решительно пересекла двор.

Там, в углу, находилась кованая калитка, которая по дневному времени была открыта.

Следующий двор был посветлее и почище, из него имелся выход непосредственно на улицу. Посредине была небольшая детская площадка, в стороне – несколько кустиков и недавно покрашенная лавочка. Двор был чисто выметен и безлюден, потому что время рабочее, опять же, лето, бабушки с внуками на даче.

Впрочем, была в этом дворе одна ложка дегтя – помойка. Два аккуратных мусорных бака были просто завалены несусветным бардаком – тряпки, черепки, какие-то деревяшки. Все это было свалено возле баков кучей. И копался в этой куче какой-то бомж не бомж, но мужичок самого потертого вида.

Надежда пожалала плечами – что ж, все как всегда. Мети не мети, чисти не чисти, все равно некультурные жильцы будут кидать мусор прямо на землю, да еще такие вот типы будут его разрывать.

Путь ее, как назло, лежал мимо помойки, и Надежда заранее отвернула голову и задержала дыхание, чтобы не нюхать бомжа. Он как раз потянул на себя обломок мебели, вся куча рухнула на него, и тип чертыхнулся очень знакомым голосом.

Надежда машинально оглянулась и оторопела.

Перед ней был ее старинный приятель Игорь. Игорь был художником. Не просто художником, а очень известным и в России, и за рубежом. Его работы очень хорошо продавались,

на его выставки было не попасть. Он много жил в Европе, в частности в Германии, говорили даже, что у него там собственная галерея. Или владелец галереи выставляет только его работы.

В общем, как ни крути, Игорь был человеком приличным, они с Надеждой были знакомы давно. И дружили крепко. Правда, в последнее время виделись нечасто, потому что его жена Галина возомнила о себе слишком много, когда ее муж стал богатым и знаменитым.

Надежда-то была женщиной независтливой, тут было все просто, однако Галка совершенно переменялась, и было у них с Надеждой нехорошее приключение, о чем сама Надежда очень не любила вспоминать¹.

И вот теперь Надежда отказывалась верить своим глазам. Ее ли это приятель, обеспеченный и знаменитый, роется в помойке, как последний бомж? Да не может быть, у нее глюки! Она моргнула и переступила с ноги на ногу.

Что-то почувствовав, человек оглянулся.

– Игорь! – завопила Надежда. – Кого я вижу?

Он вздрогнул, побледнел и испуганно втянул голову в плечи. Потом посмотрел на нее из-под руки, и в глазах его Надежда заметила некоторое облегчение.

– Надя, – вздохнул он, – ты что здесь делаешь?

– Нет, это ты что здесь делаешь? Уважаемый человек, а роешься в помойке!

– Да тише ты! – он боязливо оглянулся. – Можешь не орать на весь район?

– Да что с тобой случилось? – испугалась Надежда. – У тебя неприятности?

– Ага, – усмехнулся Игорь, – полностью разорился, теперь вот бутылки собираю. Ты-то сама как думаешь?

– Не знаю, что и думать, – честно призналась Надежда.

Игорь распрямил спину и посмотрел Надежде в глаза.

– Да все просто, – улыбнулся он, – ищу вот подходящие доски для росписи. Может, хочешь спросить зачем?

Что-то в голосе старого приятеля насторожило Надежду, и она промолчала.

– Вот, – вздохнул Игорь, успокаиваясь, – дожил. Ничего плохого не делаю, а вынужден скрываться, как будто у меня семь жен алименты требуют.

Надежда вспомнила, что когда-то давно-давно была она в мастерской у Игоря, тогда это был старый захламленный чердак, единственное, что было там хорошего, – это большие окна в крыше, откуда открывался потрясающий вид на город.

Вспомнила Надежда, как показывал ей Игорь филенки от старого буфета. Он нарисовал на них сценки из маленького парижского кафе. Это было так здорово, и темное дерево так замечательно подходило к ярким размашистым мазкам... Надежда тогда в который раз с гордостью убедилась, что у ее приятеля настоящий талант.

А еще одну дверцу от шкафчика Игорь расписал потрясающими голубыми ирисами, ту доску сразу купили, он еще жаловался, что даже фотографии не успел сделать.

– Да помню я! – сказала она. – Только думала, что ты этим больше не занимаешься.

– Ага, – криво усмехнулся приятель, – ты думала, что я теперь только гламурные вернисажи устраиваю и в дурацких ток-шоу участвую, да? Что ломаные доски от старых буфетов к моему нынешнему имиджу не подходят?

– Ты сказал, не я. – Надежда пожала плечами.

Вовсе незачем Игорю на нее орать, он прекрасно знает, что Надежда к его нынешней известности относится спокойно.

– Извини, – вздохнул приятель, – хочется чего-то настоящего, для себя, поработать в тишине без всей этой шумихи. Вот хожу, от знакомых скрываюсь. Если кто увидит меня на помойке, дойдет до Галки – она же меня со свету сживет!

---

¹ См. роман Н. Александровой «Дама в очках, с мобильником, на мотоцикле».

И такая тоска прозвучала в его голосе, что Надеждина рука сама потянулась погладить его по голове. Но она вовремя обуздала свой неуместный порыв.

«С этим не ко мне, – подумала она холодно, – со своей женой сам должен разобраться».

Тут краем глаза она заметила, что к ним приближается темноволосая смуглая женщина в зеленой рабочей форме. Судя по метле и совку, женщина была местным дворником. За женщиной шла такая же смуглая девочка лет семи. В одной руке она сжимала конфету на палочке, в другой была зажата кукла.

– Вы, женщина, что хотели? – спросила дворник нерешительно. – Ищите кого-то?

Надежда увидела себя ее глазами – стоит прилично одетая женщина средних лет возле помойки и доверительно беседует... ну не с бомжом, конечно, но с очень подозрительным мужчиной, явно деклассированным элементом или, как сейчас говорят, маргиналом. Приличный человек на помойке ведь рыться не станет...

– Да вот, – мстительно сказала Надежда Николаевна, – знакомого встретила.

После таких слов Игорь не мог не вмешаться.

– Уж вы извините, хозяйка, – сказал он примирительно, – что я тут у вас роюсь, только работа моя того требует.

– Что за работа? – женщина прищурила и без того раскосые глаза. – Ценности, что ли, какие ищите? Так тут ничего нету, можете не тратить время, все давно обшарили такие же... – Она не стала называть вещи своими именами, постеснялась.

– Мне ценности и не нужны, а нужны от старой мебели дверцы, филенки, – пояснил Игорь.

– Да зачем вам нужна такая рухлядь с жучками? – поразились дворничиха.

– А я, милая, художник, на них напишу что-нибудь...

– Художник? – протянула она, с недоверием окидывая взглядом его потертый пиджачок и кепку, надвинутую на глаза.

Игорь взял из кучи мусора кусок старой штукатурки и мигом нарисовал на асфальте девочку. А когда отступил в сторону, стало ясно, что это не просто девочка, а дворничихина дочка. Стоит так же, головку наклонила, взгляд любопытный, конфета во рту, а под мышкой кукла болтается – и та тоже похожа.

– Ох! – Дворничиха выронила метлу и в восторге проговорила что-то на незнакомом языке.

– Здорово! – восхитилась Надежда.

– Берите, конечно, все, что нужно, – сказала дворничиха, – пока мусор не увезли. У меня ведь всегда порядок во дворе, чисто, это сегодня эти, из семнадцатой квартиры, все вывалили. Я уж сказала им, да куда там! Такого наслушалась...

– Да тут и брать нечего, – бормотал Игорь, – вот не пойму я людей. Если не нужно тебе, так вынеси на помойку аккуратно, зачем же мебель ломать? Может, кому-то еще пригодится. Тут ведь не иначе топором кто-то орудовал.

Дворничиха при этих словах издала какой-то странный звук – не то свист, не то всхлип. Игорь, занятый раскопками, ничего не заметил, зато Надежда насторожилась.

– Что там случилось в семнадцатой квартире? – спросила она вполголоса. И посмотрела на женщину пристально, так что та поняла – от Надежды ей так просто не отвяжаться.

– Так ведь убили жилищу-то из семнадцатой квартиры, – нехотя сказала она.

– Уби-или? – протянула Надежда Николаевна, не сумев скрыть заинтересованности.

Это было не простое обывательское любопытство. Дело в том, что Надежда Николаевна Лебедева, приличная женщина средних, скажем так, лет, имела не очень обычное хобби. Она не вышивала крестиком, не делала искусственные цветы, не занималась медитативным бегом и не собирала пробки от бутылок. Надежда Николаевна обожала расследовать всевозможные криминальные истории. При чем чем круче был криминал, тем интереснее ей было.

Вначале Надежда занималась этим, стараясь помочь своим друзьям и знакомым. Хотя все они были приличные, законопослушные люди, но народная пословица гласит, что от суммы да от тюрьмы зарекаться не стоит. Поэтому с окружающими людьми происходили иногда криминальные события.

Если же все было спокойно, то Надежда отважно пускалась в любую авантюру, вмешивалась в дела незнакомых людей. Почти всегда дела она расследовала успешно, была, конечно, парочка досадных неудач, одна из которых как раз случилась в прошлом году, когда они с женой Игоря Галиной находились в небольшом городе далеко от Петербурга². Ну, так от неудач никто не застрахован.

Самое сложное заключалось в том, что все эти расследования приходилось проводить тайно, чтобы не узнал ничего Надеждин муж Сан Саныч.

Один раз, один только раз по глупости рассказала ему Надежда все честно. За что и получила по полной программе. Сан Саныч очень любил свою жену и беспокоился за нее, поэтому и запретил заниматься такими вещами, как расследования убийств. «Этим должны заниматься профессионалы, – утверждал он, – это их работа, они рискуют жизнью, зная, на что идут». А вот Надежду до сих пор, конечно, кривая вывозила, но как веревочке ни виться, а конец близок. И так далее.

Надежда Николаевна была женщиной неглупой, то есть по определению относилась к тем людям, которые учатся на ошибках (как известно, ошибки-то делают все).

Итак, получив один раз полноценный семейный скандал, она взяла себе за правило не рассказывать о своих приключениях мужу. Как говорится, ложь во спасение. Спасение чего-то совершенно конкретного, а именно: своей семейной жизни. Надежда тщательно следила, чтобы никто из знакомых не проболтался мужу.

Пару раз бывали, конечно, накладки, тогда ей приходилось нелегко, но в основном муж находился в неведении. Но отказаться от своего хобби Надежда никак не могла, это было сильнее ее.

– Неужели убили? – спросила она. – А когда это было-то?

– Да когда... – дворничиха что-то посчитала на пальцах, – на прошлой неделе. Там, в семнадцатой квартире, жила женщина.

– Пожилая?

– Да не то чтобы сильно пожилая, но одинокая. Никто к ней не ходил, не было у нее ни родственников, ни подруг близких... С соседями, опять же, никакой дружбы – поздороваешься, но в разговор не вступает. Жила тихо, никаких от нее неприятностей... Тут вдруг утром мету я возле подъезда, идет соседка, которая под ней живет...

Безобразия, говорит, такое, всю ночь в семнадцатой квартире шум был, мебель двигали среди ночи, топали, что-то роняли, посуду били. Я уж в батарею стучала, тогда только угомонились.

Я еще удивилась – не может быть, там всегда тихо. Ну, вечером та соседка пошла в семнадцатую квартиру ругаться. А дверь не открывают. И на второй день тоже. А на третий опять ей неймется – там, говорит, так тихо, никогда так раньше не было. Все-таки слышно, как человек шагнет, уронит что-то, дверь скрипнет. А тут – как в гробу. И никто эту, из семнадцатой квартиры, три дня не видел.

Ну, думаем, может, уехала куда, как раз ночью шумела, вещи собирала. Бывают же ночные самолеты. А тут собака у жильцов с пятого этажа стала возле семнадцатой квартиры выть. Вызвала я участкового – так, говорю, и так... Он еще не хотел ничего делать, потому как заявления от родственников не поступало. А откуда ему взяться, если нет у нее родственников, говорю?

---

² См. роман Н. Александровой «Дама в очках, с мобильником, на мотоцикле».

Надежда незаметно огляделась. Игорь копался с другой стороны, девочка активно ему помогала. Дворничиха перехватила ее взгляд и понизила голос.

– Как вошли мы – так и остолбенели. Я вам честно скажу – страшное дело. Она-то сама в спальне была, меня туда не пустили, не положено. Только участковый говорил – вся изрубленная, кровящи – ужас! А запах я, конечно, чувствовала. И что творилось в другой комнате – это кошмар. Вся мебель топором разрублена в щепки, занавески на ленточки порваны, посуда у нее была старинная – все в черепки! Как будто смерч по дому прошел!

– А что полиция-то говорит, кто это ее так?

– Да что говорит? – дворничиха пожала плечами. – Мы люди маленькие, нам не докладывают. Тут приехала сестра ее двоюродная из-под Вологды. Спрашивают ее: «Что было у потерпевшей ценного?» А она и знать не знает, говорит, что с сестрой давно не общалась, у той, мол, характер был сложный, она родню не любила.

В общем, полиция считает, что случай странный. Дверь вроде не взломана, не то она сама открыла, не то отмычкой. Соседке этой досталось, которая снизу живет. Если бы вы, говорят, сразу патруль вызвали, то убийцу бы на месте застали. А вы вместо этого по батарее стучали целый час. А она говорит, вас вызовешь, а если там ничего такого, так мне же еще и попало бы...

– Ну надо же... – протянула Надежда.

Из подъезда показался солидный мужчина с папочкой под мышкой и грозно позвал дворничиху. Она схватила девочку за руку и поспешила на зов.

– Ты еще долго? – спросила Надежда Игоря. – А то я пойду уж, у меня дела...

– Подожди, я тебя подвезу, у меня машина за углом, – ответил он, – а вот что-то поцелее, – он показал ей дверцу от шкафчика, на ней сохранились красивые бронзовые петли.

– А вот еще какая-то красивая дощечка. – Надежда подняла с земли толстую красноватую доску с ярким рисунком текстуры, протянула ее приятелю.

– Нет, эта не годится. – Игорь повернул доску к свету. – Видишь, здесь она расколота, с ней больше возни будет, чем толку.

– Ой, правда! – Надежда повертела доску так и этак. – А я и не заметила... Подожди-ка, по-моему, это вовсе не трещина, это она так раздвигается...

Надежда осторожно подцепила край доски ногтем, легонько нажала – и часть доски плавно сдвинулась в сторону, как крышка старого школьного пенала.

– Ой, как интересно! – оживилась Надежда. – Тут тайник! Потайной ящичек!

– Да что ты говоришь? – Игорь заинтересовался, подошел ближе. – В старой мебели часто бывают тайники, правда, обычно в них нет ничего интересного – какой-нибудь засохший цветок или локон... А здесь, смотри-ка, открытка!

Действительно, из потайного ящичка выпала старинная, пожелтевшая от времени открытка.

Надежда Николаевна наклонилась, подняла ее, рассмотрела лицевую сторону.

На открытке была изображена красивая старинная кукла – китаянка с прелестным фарфоровым личиком, в платье из темно-синей парчи. Одной рукой она придерживала край платья, как будто собиралась перешагнуть лужу, в другой держала изящный зонтик.

Надежда перевернула открытку.

На обратной стороне был написан адрес: «Санкт-Петербург, Вознесенская часть, Фонарный переулок, ЕПМГ Елизавете Васильевне Перовской, собственный дом».

Ниже было всего несколько слов, выведенных аккуратным старательным почерком, с сильным наклоном и изящными завитушками в конце каждого слова:

«Лизонька, вспомни, как мы с тобой играли в Нат Пинкертон. Твоя Маша».

Фиолетовые чернила выцвели от времени, но надпись все еще читалась отчетливо.

И все – больше никаких пояснений.

– Надо же, как интересно... – проговорила Надежда, задумчиво разглядывая открытку. – Какая-то Маша послала эту открытку своей подруге лет сто назад, явно с каким-то намеком. На свете давно уже нет ни Маши, ни Лизы, один Бог знает, какую тяжелую жизнь они прожили, сколько несчастий выпало на их долю – революции, войны, блокада, – и только эта открытка сохранила связанное с ними воспоминание о том, как в детстве они играли в сыщиков!

– Красивая открытка, – проговорил Игорь. – Редкая, наверное. Хочешь, возьми ее себе.

– А что – и возьму! – ответила Надежда Николаевна неожиданно для себя самой.

Конечно, это было для нее совершенно нехарактерно – тащить в дом какое-то старье с помойки.

Но дело в том, что она внезапно почувствовала покалывание в корнях волос – а это бывало с ней в тех случаях, когда она сталкивалась с какой-то детективной загадкой. Впрочем, какая загадка могла таиться в открытке столетней давности?

– А что значат вот эти буквы – ЕПМГ? – машинально спросила она приятеля.

– Ее превосходительству, милостивой государыне, – ответил Игорь, не задумываясь.

– Значит, эта Лиза была какой-то важной особой?

– Вовсе не обязательно. Так до революции адресовали письма всякому человеку благородного происхождения или приличной профессии, в общем, как тогда говорили – из благородных. Даже ребенку. Ну ладно, пойдем уж, Надя, что-то сегодня не везет мне никак... вот разве что эту филенку возьму...

Надежда взглянула на часы и только охнула. Скоро муж с работы придет, а у нее дома шаром покати, с утра с теткинскими очками валандается. Ох, уж эти родственники...

Когда они покинули двор, из-за чахлах кустиков показался мужчина. На нем были темные очки и неприметная рубашечка в серо-буро-малиновую клеточку. Вроде бы был он среднего роста, не сморчок какой-нибудь, однако мог выглядеть незаметно.

Есть качества, присущие некоторым индивидуумам с детства. Допустим, умение списывать на экзаменах. Вот посади такого голого перед целой комиссией учителей, так он все равно сумеет откуда-то шпаргалку вытащить. Или телефон мобильный занывает, как его ни обыскивай.

Этот мужчина умел быть незаметным. Вроде бы двор пустой, все на виду – помойка, кусты, скамеечка. А вот, поди ж ты, даже дворничиха его не заметила.

Мужчина не спеша последовал за парочкой старинных приятелей к выходу и успел заметить, как они садятся в машину. Он удовлетворенно хмыкнул, запомнив ее номер. После чего сделал несколько шагов к припаркованной неподалеку машине, такой же незаметной, как он сам. Он последовал за машиной Игоря, который был так любезен, что довез Надежду до самого дома. Зайти отказался, сказал, что торопится, впрочем, Надежда и не настаивала. Скоро голодный муж вернется, ей ужин готовить надо, а не с приятелем болтать.

Неприметный мужчина видел, как Игорь газанул и уехал, преследовать его не стал, а вместо этого подошел к подъезду, где скрылась Надежда Николаевна. Уселся на лавочку, где уже сидели две старушки, и через некоторое время знал, из какой квартиры эта женщина, с кем живет и кто у нее муж. Причем кумушки, что обсуждали Надежду, его вовсе не заметили, как будто не сидел он рядом на скамейке, такая уж у мужчины была особенность.

Вернувшись домой, Надежда Николаевна устремилась напрямик к холодильнику, наскоро произвела ревизию продуктов, привычно расстроилась, но не впала в уныние. Она достала из морозилки готовые отбивные, а на гарнир решила приготовить зеленую фасоль и салат из помидоров. Лето все же, жарко, нужно есть легкую пищу, богатую витаминами. Она бросила фасоль в кипящую воду, нарезала помидоры и только тогдахватила кота.

Кота не успели отвезти на дачу в прошлые выходные, и он маялся в городе от наступившей внезапно жары.

Кот был не то чтобы старый, но витамины и сухой корм ему Надежда покупала для котов пожилого возраста. Хотя сам Бейсик утверждал, что он в прекрасной форме, он несколько отяжелел и в жару чувствовал себя некомфортно.

Надежда нашла кота в кабинете мужа, он распластался на полу, пытаясь ловить сквознячок из раскрытого окна. На улице не было никакого дуновения, поэтому кот страдал. Увидев Надежду, он поднял голову и посмотрел грустно.

– Ой, Бейсик, вот было бы здорово, если бы у тебя была молния на животике, можно было бы снять шкурку и повесить ее проветриться, как белый медведь в мультфильме! – Надежда почесала пушистый кошачий живот.

Кот молча отстранился, не понимая шуток, от жары у него пропало чувство юмора.

Позвонил муж, сказал, что надолго застрял в пробке и будет не раньше чем через час.

Убирая в прихожей, Надежда достала из сумки старинную открытку, чтобы еще раз взглянуть на нее.

Изображенная на открытке кукла была не просто очень красивой – в ее фарфоровом лице была не шаблонная «кукольная» красота, а очарование живой человеческой прелести, очарование женственности. Надежда подумала, что мастеру, который создал эту куклу, позировала живая девушка. И в этой девушке, кроме очарования юности, была несомненная внутренняя сила.

Полюбовавшись лицевой стороной, Надежда перевернула открытку и снова перечитала текст:

«Лизонька, вспомни, как мы играли в Нат Пинкертон».

И больше ничего. Большая часть открытки осталась пустой, словно ее автор что-то недоговорил.

Надежда внезапно вспомнила, что в далеком детстве она тоже играла со своей подругой Алкой в сыщиков. Только не в Ната Пинкертон – про него они тогда ничего не знали, – а в Шерлока Холмса. Сама Надя была великим сыщиком, Алка с трудом согласилась на роль верного доктора Ватсона.

Обычно она везде должна была быть главной, такой уж у нее был характер. Но Алке было свойственно чувство справедливости. И поскольку Надежда всегда была более начитанной и лучше умела разгадывать детективные загадки, Алка разрешила ей быть Шерлоком Холмсом.

В чем, собственно, заключалась игра, Надежда не помнила, но вспомнила сейчас, что они с Алкой обменивались зашифрованными письмами. Иногда они пользовались шифром, описанным в рассказе «Пляшущие человечки», иногда писали невидимыми чернилами – попросту молоком.

Про то, что молоком можно пользоваться, как невидимыми чернилами, девочки узнали на уроке в школе. Учительница Вера Степановна рассказывала им про Ленина, обращаясь к воспоминаниям его сестры Марии Ильиничны.

Когда будущий вождь мирового пролетариата сидел в тюрьме и ему нужно было написать на свободу своим соратникам, он писал письма молоком, делая «чернильницу» из хлеба.

Тогда еще маленькая Надя подумала, что, судя по этому эпизоду, заключенных в царских тюрьмах не так уж плохо кормили – давали и молоко, и хлеб.

Позже они с Алкой выяснили, что в качестве невидимых чернил (научное их название – симпатические) можно использовать не только молоко, но также лимонный или луковый сок или даже просто подсоленную или подслащенную воду.

Для того, чтобы прочитать записку, написанную такими чернилами, достаточно было просто нагреть ее над пламенем свечи или прогладить утюгом.

Вот и сейчас Надежда Николаевна решила проверить свою догадку. Не было у нее никаких особенных мыслей – просто интуиция говорила, что с этой открыткой не все так просто, не станет человек хранить в тайнике обычную почтовую открытку.

Она включила в сеть утюг, поставила регулятор на хлопок и прогладила утюгом старинную открытку.

И – пришла в восторг от собственной проницательности: в нижней части открытки проступил текст, написанный тем же аккуратным почерком с изящными старомодными завитушками:

«Лизонька, милая, тот человек снова приходил. Он меня пугает. Ни за что не отдавай ему свою куклу! Кажется, у нее есть еще одна сестричка – она живет у того милого господина Скабичевского, которого мы встречали в Юсуповском саду».

Надежда перечитала записку еще раз – и пожала плечами: ну да, сто лет назад две девочки играли в сыщиков и писали друг другу невидимыми чернилами, обмениваясь своими маленькими детскими секретами. Как всякие девочки в любые времена, они играли в куклы, и эти куклы были предметом их переписки.

Все же покалывание в корнях волос не прекращалось, и Надежда причесалась перед зеркалом и машинально отметила, что пора записываться к парикмахеру.

Однако прежде нужно было переделать кое-какие хозяйственные дела. К примеру, у нее накопилась груда глажки... кстати, и утюг уже включен в розетку... Да пока муж там в пробках стоит, можно много всего переделать.

Надежда вздохнула, вытащила на середину комнаты гладильную доску и включила телевизор, чтобы немного скрасить унылую, но необходимую процедуру.

Однако ничего интересного по телевизору не шло.

Пощелкав пультом, она остановилась на местном канале, чтобы посмотреть прогноз погоды.

На экране какой-то унылый бородатый тип рассуждал о глобальном потеплении и его влиянии на миграцию полярных крачек, в нижней части экрана бегущая строка сообщала главные городские новости.

Надежда выключила звук и принялась гладить, время от времени бросая взгляд на экран, чтобы поймать момент, когда на смену бородатому экологу придет девушка из службы погоды.

Вдруг какая-то фамилия, промелькнувшая в строке новостей, зацепила ее сознание.

Надежда отставила утюг и сосредоточилась на бегущей строке.

Новости там повторялись, и вскоре снова появилась та, которая заинтересовала Надежду.

«Минувшей ночью неизвестные проникли в музей-квартиру писателя Скабичевского на Садовой улице. Некоторые экспонаты повреждены, но это не сказалось на работе музея».

Музей-квартира писателя Скабичевского! И в письме, написанном невидимыми чернилами, упомянут господин Скабичевский!

Может быть, это случайность, но индикатор в корнях волос говорил об обратном.

Надежда бросила глажку и включила компьютер.

Она тут же узнала, что писатель-демократ Александр Михайлович Скабичевский родился в середине девятнадцатого века, а умер незадолго до начала Первой мировой войны, что известен он в основном работами по истории современной ему русской литературы, а также газетными и журнальными статьями прогрессивного направления и что часть жизни он прожил в Петербурге, на Садовой улице, и там, в доме номер пятьдесят, в семидесятые годы прошлого века открыли его музей-квартиру.

Тут же на карте города Надежда Николаевна нашла этот адрес и поняла, что музей малоизвестного демократа располагается рядом с Юсуповским садом.

Таким образом, можно было почти не сомневаться, что именно этот малоизвестный деятель культуры упомянут в письме дореволюционной девочки, написанном невидимыми чернилами. «Встречали его в Юсуповском саду» – коротко и ясно.

«Ну и что? – осведомился внутренний голос Надежды. – Ну, упомянут, и что из этого? Тебе-то какое до этого дело?»

Надеждин внутренний голос всегда отличался здравомыслием и рассудительностью, проще говоря – занудностью. И он был солидарен с мужем Надежды Сан Санычем, то есть, как и муж, внутренний голос всеми силами пытался удержать Надежду от всевозможных авантур и опасных приключений.

И у них обоих это не получалось. Надежда всегда умудрялась не прислушаться к доводам рассудка и влипнуть в очередную криминальную историю.

И сейчас она буквально не находила себе места от любопытства. Старинная открытка из тайника, китайская кукла, письмо, написанное невидимыми чернилами, – нет, Надежда никак не могла пройти мимо такой увлекательной истории!

«Ну, вот скажи, – не сдавался ее внутренний голос, – чего тебе сейчас надо? Что тебе не дает покоя? Если даже и была связана с этим Скабичевским какая-то сомнительная история, она давным-давно закончилась и забыта, как говорится, канула в Лету и никоим образом тебя не касается!»

– Ага, – ответила Надежда вслух своему внутреннему голосу. – Но хозяйку того бюро, или секретера, в котором была спрятана открытка, убили, причем убили совсем недавно! А в музей Скабичевского какие-то хулиганы проникли только минувшей ночью... Нет, эта история не закончилась сто лет назад, она продолжается, во всем этом что-то есть, и я должна понять, что именно!

И вообще, я удивительно мало знаю об истории отечественной литературы. Вот, например, до сегодняшнего дня вообще не подозревала о существовании литератора Скабичевского! Надо немедленно восполнить этот пробел и посетить его музей-квартиру. Тем более что ночное происшествие не сказалось на работе музея!

– Надя, с кем это ты разговариваешь? – удивленно спросил муж из прихожей.

Оказалось, что он вошел и даже тапочки переобул, а Надежда, увлеченная спорами с собственным внутренним голосом, ничего не заметила. Однако она всегда умела быстро реагировать. Так и сейчас она не стала смущаться и краснеть, а честно призналась:

– С кем, ты думаешь, если тут никого нет, кроме меня? Даже кот меня избегает. Сiju тут одна, как в склепе, поговорить не с кем. Попугая, что ли, завести...

Муж принял ее слова за чистую монету, подошел, заглянул в глаза, повинился, что все время занят, и пообещал в выходные свозить ее в какое-нибудь интересное место. Заметив новую морщинку у него на переносице, Надежда устыдилась. Он много работает, чтобы они с котом жили безбедно, а она просто мается дурью от скуки. Хотя она не скучала бы, если бы ей позволили заниматься своим хобби. Но этого не будет никогда, так что нужно оставить бесполезные мечтанья и сосредоточиться на приготовлении ужина.

«Фасоль!» – мысленно вскричала Надежда и стремглав рванулась на кухню.

Перевавшаяся фасоль превратилась в отвратительные бурые лохмотья, так что пришлось ограничиться салатом из помидоров. Хорошо хоть отбивные не пересохли!

На следующее утро Надежда встала рано, проводила мужа на работу и собралась в музей Скабичевского.

– Я ненадолго, – сказала она коту, который дремал в коридоре, – а потом займусь хозяйством.

Кот маялся от жары и никак не отреагировал на ее слова.

Надежда вышла из подъезда и поздоровалась с соседкой Антониной Васильевной, которая несла бессменную вахту возле подъезда. Из-за царящей в городе жары заступала она пораньше, а днем устраивала сиесту – все равно никто не ходит, потому что народу мало – кто на даче, кто в отпуске, кто на работе.

Надежда соседку недолюбливала за длинный язык, поэтому старалась не задерживаться и ничего про себя не рассказывать, а то разнесет потом по двору, от себя прибавит, чего и не было.

Антонина Васильевна ответила на ее приветствие непривычно рассеянно, и Надежда обрадованно скользнула мимо.

Однако из этого ничего не вышло.

– Надя, – сказала Антонина, в последний момент хватая Надежду за рукав, – чтой-то мне та машина синяя незнакома – вон, напротив припаркована.

– А вы что, машины всех жильцов наперечет знаете? – фыркнула Надежда.

И осеклась, поймав полный удивления взгляд соседки – а как же, мол, иначе, разумеется, всех.

– Ну, – сказала она, – может, кто новую купил...

– Ага, и сидит в ней, чтобы похвастаться, – ехидно заметила Антонина Васильевна.

Надежда пригляделась и увидела силуэт водителя за рулем.

– Ну, может, ждет кого... – неуверенно пробормотала она и рассердилась на себя – все-таки втянула ее Антонина в пустой разговор. Ну какое ей дело до посторонней синей машины?! У нее собственных дел хватает!

– Однако надо с балкона на нее посмотреть... – пробормотала Антонина и протиснулась в подъезд.

Надежда представила картину: Антонина лежит на плитке балкона, выставив между ящиков с цветами подзорную трубу или армейский бинокль. Нет, такого не может быть, при ее габаритах она поверх решетки видна будет.

Надежда фыркнула и поскорее пошла на проспект. В маршрутке она не вертела головой, поэтому не заметила, что синяя машина едет следом. Впрочем, на дороге полно синих машин.

Тем временем водитель синей машины разговаривал по мобильному телефону:

– Она села в маршрутку, следует в сторону центра...

– Сворачивай на первом перекрестке! – последовал приказ. – Я уже еду за тобой.

Водитель синей машины оглянулся, но ничего не заметил. Его должен был сменить руководитель группы, а он, как уже говорилось, умел быть незаметным. Как и его машина.

Через час Надежда уже входила в старинное здание на Садовой улице. Она купила в кассе билет и вошла в просторную полутемную квартиру, обставленную громоздкой и тяжеловесной мебелью конца позапрошлого века.

Возле входа ее встретила невзрачная особа лет пятидесяти, показавшаяся Надежде смутно знакомой.

– Вы сегодня уже третья, – сообщила эта особа с затаенной радостью, отрывая корешок билета.

– А что – это разве много? – удивилась Надежда.

– Обычно у нас самое большее – один-два посетителя в день, – вздохнула хранительница. – А сегодня такой наплыв! Это, наверное, из-за сообщения о взломе... Как говорится, и овцы целы, и волки сыты, и пастуху вечная память! Ой, извините, начальство не велело мне говорить о взломе, но слово, как говорится, не воробей, а последовательность символов алфавита...

И тут Надежда вспомнила эту хранительницу.

Звали ее Юля Полянская, и давным-давно, в прошлой или даже позапрошлой жизни, они с Надеждой учились в параллельных классах одной и той же школы с физико-математическим уклоном. Юля и тогда была довольно невзрачной, популярностью среди соучеников не пользовалась и выделялась только особым пристрастием к пословицам и поговоркам. Причем непременно их переделывала каким-нибудь смешным способом. Некоторые такие переделки

Надежда помнила до сих пор, например: «Работа – не волк, а произведение силы на расстояние», «Большому кораблю – большая торпеда» или «Одна голова – хорошо, а две – это уже мутация».

– Юля, привет! – обратилась Надежда к хранильнице. – И давно ты в этом... музее работаешь?

– Простите. – Музейная крыса поправила очки и пригляделась к Надежде. – Мы с вами знакомы?

– Конечно, знакомы! Неужели ты меня не узнаешь? Я Надя, Надя Василькова. Из десятого «Б»!

Дама все еще хлопала глазами – видимо, никак не могла совместить немолодую посетительницу музея с девчонкой из своего детства, и тогда Надежда применила последний аргумент:

– Помнишь, как мы с тобой Вовку Киселева в туалете шваброй заперли?

Тут в глазах Юлии вспыхнуло узнавание, она захохотала и от этого заметно помолодела.

– Помню, конечно! – проговорила она сквозь смех. – Он там до пятого урока просидел... или даже до шестого... Но так ему и надо, паразиту! Нечего было обзывать! Запомнит нас! Ну, привет, Надька! А ты почти не изменилась...

– Ой, вот только не надо этого! – отмахнулась Надежда. – То-то ты меня узнать не могла! Да и вообще, я что, по-твоему, в зеркало никогда не заглядываю?

– Да, годы идут! – вздохнула Юля. – А ты, вообще, как в наш музей попала? Он ведь не сказать, что слишком популярный...

– Ну как? – Надежда смущенно отвела взгляд. – Да вот, решила, что нужно восполнить пробел в своем образовании. А то, считай, совсем ничего не знаю про этого... Скабчевского.

– Скабичевского, – поправила ее Юля. – Надька, не темни! Вряд ли тебя заинтересовала такая незаметная фигура отечественной литературы! Откуда ты вообще узнала о существовании этого музея?

– Честно?

– Честно!

– Вообще-то, из криминальных новостей. Там рассказали про ограбление вашего музея, ну, я и решила его навестить, пока еще что-то осталось.

– Ну вот, так я и думала! – вздохнула Юля. – Годами никто не интересуется музеем, а как только какие-то подонки в него вломились – так сразу наплыв публики!

Надежда огляделась по сторонам: никакого наплыва она в упор не замечала.

– А ты-то как оказалась в этом музее? – спросила она, чтобы сменить тему. – Ты же вроде на филфаке училась?

– Именно что на филфаке, на отделении русской литературы, – вздохнула Юля. – И диссертацию, между прочим, написала – как раз по творчеству Скабичевского. Но потом никакой работы не нашла, кроме как в школе преподавать. А это, сама понимаешь, не для меня. Там нужно или нервы иметь железные, или мускулы стальные, у меня – ни того, ни другого. Так что пришлось идти в этот музей.

Она вздохнула и замолчала.

– Ну ладно, какая бы причина ни привела тебя в наш музей, давай осмотрим его! – решила наконец Юля. – Как говорится, делу – время, а потехе – все остальное! Пойдем...

Они перешли в соседнюю комнату – полутемную из-за тяжелых плотных портьер и темной массивной мебели. Большую часть этой комнаты занимал огромный письменный стол.

– Вот здесь был кабинет Александра Михайловича, здесь он написал свою самую известную книгу – «Историю российской литературы последнего времени».

– А что – все вещи здесь его, подлинные? – из вежливости поинтересовалась Надежда.

– Нет, что ты! – вздохнула Юля. – Подлинных вещей Александра Михайловича сохранилось, к сожалению, очень мало. Ты же понимаешь, с тех пор столько всего случилось – три войны, три революции, не считая остальных неприятностей! Почти все погибло. Но ты ведь знаешь, как создаются мемориальные музеи?

– Откуда мне знать?!

– Да, действительно – откуда? Для таких музеев собирают, как говорится, с бору по сосенке – что-то жертвуют смежные музеи, что-то покупают у частных лиц, лишь бы вещи были примерно того же времени и примерно того же социального слоя. Вот и здесь так же: как говорится, всякой твари – по харе. Вот этот письменный стол нам презентовал музей Панаева, эту полку купили у одной старушки, а вот это кресло нашли чуть ли не на помойке...

– А что это за фотографии на стене?

– Ах, это! – Юлия оживилась. – Здесь мы разместили фотографии почетных гостей нашего музея. Вот это – снимок, сделанный во время посещения нашего музея знаменитым японским драматургом Юсио Насигаси, а это – выдающийся писатель из Сибири, ну, уж его-то ты должна знать! Видишь, он стоит здесь же, в этом кабинете, почти на том же месте, где ты сейчас!

Надежда внимательно разглядывала фотографию, но вовсе не потому, что пыталась узнать изображенного на ней сибирского писателя. Ее заинтересовал предмет на заднем плане.

– Пойдем дальше! – позвала ее Юлия. – Здесь больше нет ничего интересного!

– Постой... вот здесь, на этой фотографии, видно, что на полке стоит какая-то кукла. А сейчас ее здесь нет...

– Кукла? – Юлия смутилась. – Да, здесь действительно была китайская кукла...

– Китайская? – Надежда не смогла скрыть волнение. – И где же она сейчас?

Она подошла ближе, чтобы рассмотреть фотографию, и даже поднырнула под малиновый шнурок, недвусмысленно говоривший о том, что заходить за него никак нельзя, а уж трогать экспонаты руками и вовсе невозможно. Кукла была та самая, что изображена была на открытке. Во всяком случае, очень похожа. То же удивительно живое фарфоровое личико, тот же наклон головы, замысловатая прическа, только платье на той кукле, что на открытке, было синее, а кукла на фотографии была в лиловом. Впрочем, возможно, цвета исказила съемка.

– Понимаешь... – Юлия оглянулась на дверь, как будто боялась, что их подслушивают. – Понимаешь, как раз эта кукла пропала после вчерашнего ночного... инцидента. – Она вздохнула. – Я думаю, что ночью в музей вломились подростки, вот их и привлекла эта кукла. Больше-то они ничего не взяли. А наш директор, – Юлия снова оглянулась на дверь, – наш директор велел ничего про куклу не говорить, потому что, если что-то пропало – то это уже другая статья, кража со взломом или что-то в этом роде. А если серьезная статья, то музей закроют на месяц, а то и больше, и начнут расследование... А что нам все это время делать? Так что мы ничего про куклу не сказали.

– А как же вы потом отчитаетесь? Ведь это же экспонат, вы за него отвечаете!

– Ну, директор как-нибудь спишет, составит акт, что она пришла в негодность и была утилизирована. В конце концов, это его забота, ему за это деньги платят. А ты все же никому про эту куклу не говори, а то у меня неприятности будут.

– Да, конечно, не скажу. Да и кому мне говорить? Я же с вашим музейным миром не сталкиваюсь! Живу, так сказать, в параллельном пространстве. А только скажи мне, эта кукла – тоже поступила со стороны, у какой-нибудь старушки куплена?

– Нет, как раз она – подлинная, принадлежала самому Александру Михайловичу. Так что, вообще-то, ее жалко... один из немногих подлинных экспонатов...

– Вот как! А каким образом к нему попала китайская кукла? Он что – бывал в Китае?

– Да нет, что ты! Александр Михайлович был, как сейчас говорят, невыездной, за границей России ни разу не побывал. А кукла к нему попала от его дяди, от брата матери. Вот

он как раз бывал в Китае, даже не просто бывал – он там работал по линии Министерства иностранных дел, то есть был дипломатом. Вернувшись из очередной поездки, он привез эту куклу и подарил ее племяннику.

– Интересно! – проговорила Надежда, которая старалась не пропустить ни слова из Юлиного рассказа.

– Действительно, очень интересно! – продолжила Юлия, глаза у нее горели. – Александр Михайлович даже сделал в своем дневнике запись по поводу этой куклы:

«Приходил дядюшка, подарил мне куклу, как будто я дитя малое. Рассказывал про нее какие-то сказки – будто в эту куклу заключена душа какой-то китайки, которая жила без малого две тысячи лет назад. В общем, мракобесие».

– Ты так хорошо все это помнишь? – поразилась Надежда. – Буквально слово в слово?

– Конечно! Я ведь говорила тебе, что писала диссертацию по творчеству Александра Михайловича и внимательно изучала его дневники и переписку.

– Вплоть до таких незначительных записей?

– А вот тут, Надя, ты не права! Я не назвала бы эту запись незначительной. Каждая такая запись очень много говорит нам о его мировоззрении, образе его мыслей... Скажем, эта дневниковая запись, которая кажется тебе «незначительной», говорит о твердых материалистических убеждениях Скабичевского, о том, что всякие средневековые легенды и мифы он не воспринимал всерьез, считал их мракобесием.

Надежда подумала, что Юля села на своего любимого конька, и теперь ее не остановишь никакими силами. Вот интересно, люди ведь не меняются на протяжении жизни. И Надежда точно помнит, что в школе Юлька была такой же занудой. Но в юности относишься к этому по-другому, что ли...

Юля, видно, что-то почувствовала и сменила тему:

– Кстати, его дядя, тот самый дипломат, который привез из Китая эту куклу... с ним связана еще одна необычная история. Можно даже сказать, детективная. Вскоре после того, как он подарил племяннику эту китайскую куклу, он был зверски убит.

– Зверски? – удивленно переспросила Надежда. – Что ты хочешь этим сказать?

– Я читала полицейский отчет по этому делу, и там сказано, что жертве перерезали горло, а на месте убийства словно ураган прошел – все поломано и перевернуто вверх дном, мебель порублена топором. Частный пристав, который составлял этот отчет, приписал от себя, что, по его мнению, христианин ни за что не опустился бы до такого зверства, что такой характер убийства говорит о том, что преступление совершил дикарь, возможно, представитель какой-то низшей расы – ты же понимаешь, что тогда всех не белых считали людьми второго сорта. Далее этот пристав пишет, что незадолго до преступления возле дома почтенного дипломата видели несколько китайцев и что, возможно, именно они виновны в злодеянии.

Дальше Надежда слушала не очень внимательно. Она невольно вспомнила убийство в том доме, возле которого она встретила Игоря, – дворничиха говорила, что там тоже вся квартира была перевернута вверх дном, а мебель изрублена. Мебель она сама видела, точнее, то, что от нее осталось. Случайно ли такое совпадение? Как говорят криминалисты, очень похожий почерк!

С другой стороны, два этих преступления отделены друг от друга примерно сотней лет, так что их никак не мог совершить один и тот же преступник. Но так похоже...

– Ты меня не слушаешь? – проговорила Юлия с обидой. – Я понимаю, что это – «дела давно минувших дней», но ты ведь вроде бы сама заинтересовалась этой куклой!

– Да, конечно, прости, – смутилась Надежда. – Я просто подумала о своем... А вот скажи мне, раз уж ты так хорошо знаешь все, что связано с жизнью и творчеством Скабичевского, – не встречается ли где-нибудь имя Елизаветы Васильевны Перовской?

На лице Юлии снова проступила детская обида.

– Что такое? – удивилась Надежда. – Я что-то не то сказала?

– Нехорошо, Надя! – процедила Юлия. – Некрасиво! Мы с тобой столько лет не виделись – и ты пришла только для того, чтобы меня разыграть?

– Разыграть? – переспросила Надежда. – О чем это ты? У меня и в мыслях ничего подобного не было!

– Уж будто! – фыркнула Юлия. – Ты пришла, сказала, что ничего не знаешь о Скабичевском...

– Так оно и есть, уверяю тебя!

– Ага, уверяешь! Ничего не знаешь о Скабичевском – и тут же называешь Елизавету Перовскую, о которой знают далеко не все специалисты по творчеству Александра Михайловича! Даже я знаю о ней совсем немного! Нехорошо, Надя! Как говорится, не пей из колодца – может, плюнуть придется!

– Клянусь тебе, у меня и в мыслях не было тебя разыгрывать! А про Перовскую я узнала совершенно случайно... Так что, значит, ее имя как-то связано со Скабичевским?

Юлия все еще смотрела на Надежду с недоверием, но все же начала оттаивать.

– Оно упоминается всего один раз, в переписке Александра Михайловича с Марией Ставрогиной. В одном из писем Скабичевский просит Ставрогину передать привет «вашей милой подруге Лизе Перовской». К сожалению, ни мне, ни другим исследователям жизни и творчества Скабичевского так и не удалось выяснить, кто такая была Лиза Перовская и какие отношения связывали ее с Александром Михайловичем. Так что если ты что-то о ней знаешь, значит, ты знаешь больше любого специалиста.

– Ага! Значит, про Марию Ставрогину ты знаешь больше?

– Конечно! Мария Ставрогина была знакома с Александром Михайловичем и состояла с ним в переписке. Многие ее письма к нему сохранились, так же, как и некоторые письма к ней Скабичевского. В то время она была еще совсем молодой девушкой, и, судя по письмам, Александр Михайлович увлекся ею... Конечно, между ними не было ничего, выходящего за рамки приличий...

«Мария Ставрогина! – оживилась Надежда. – Несомненно, это та самая Маша, что написала открытку из тайника. Ну да, Маша и Лиза, они были подругами».

– А что вообще про нее известно? – спросила она Юлию.

– А вот про нее известно довольно много. Она с отличием закончила известную гимназию Липовецкого, поступала на женские технические курсы, но не сдала экзамен и пошла преподавать в реальное училище на Васильевском острове. С началом Первой мировой войны окончила курсы сестер милосердия и отправилась на фронт. А вот потом, к сожалению, следы ее теряются.

– А где она жила? Или это неизвестно? – наступала Надежда Николаевна.

– Отчего же! Конечно, известно. Во время переписки со Скабичевским Мария жила в Перекидном переулке. Сейчас это переулок Тизенгаузена, дом номер двенадцать. Я провела настоящее расследование, чтобы выяснить, в какой именно квартире жила Мария, – с гордостью добавила хранительница. – И знаешь, как мне это удалось?

– Как же? – вежливо поинтересовалась Надежда.

– В одном из писем Мария передает Скабичевскому привет от симпатичного грифона, который заглядывает в ее окно. Действительно, переулок Тизенгаузена выходит на мост, по краям которого стоят каменные грифоны. Я обошла ее дом со всех сторон и убедилась, что только из одного окна виден грифон на мосту. В советские времена там была квартира номер два, а сейчас в этом доме размещается офис компании «Телесеть». Ну, знаешь, большая компания, которая занимается телефонией, Интернетом и тому подобными вещами... – Юлия пренебрежительно поморщилась, как будто говорила о чем-то, не заслуживающем внимания.

– Ага!.. – протянула Надежда. – Это очень интересно, но мне, к сожалению, уже пора идти!

– Как же так? – расстроилась Юлия. – Я же еще не показала тебе большую часть музея... ты не видела даже коллекцию бабочек, принадлежавшую Александру Михайловичу. В этой коллекции есть замечательные экземпляры!

– Ничего, как-нибудь в другой раз! Бабочки подождут! Пока, Юленька, не скучай тут, в музее! Увидимся еще, как говорится, гора с горой не сходится...

– А река с рекой – обязательно! – закончила Юлия поговорку в своем духе.

«Ну и что я узнала? – уныло думала Надежда, трясаясь в маршрутке. – Для чего я таскалась в этот музей? Ну, повидалась с Юлькой Полянской, так не больно-то и хотелось. Мы с ней никогда не дружили. Единственная полезная вещь – я узнала, что в музее была кукла. Именно ее украли. И я могу предположить, что у той женщины, в чьем бюро я нашла открытку, тоже была не только открытка, но и кукла. Как там писала ей подруга невидимыми чернилами? «Береги свою куклу». Значит, у нее, этой Марии Ставрогиной, тоже была кукла. И у писателя Скабичевского тоже. Опять-таки можно предположить, что тот, кто украл куклу из музея, и тот, кто убил ту женщину, – кстати, как ее звали? – это один и тот же человек. По всему получается, что можно.

Но здесь, в музее, ничего не сломали, никого не убили, просто взяли куклу и ушли. А там все порубили в капусту, как будто в приступе безумной ярости. Но тут, в музее, имеется сигнализация. Никто полицию вызывать не будет, она сама придет через две минуты. Две не две, но через пять минут они приехали. И никого не застали, стало быть, грабитель знал про сигнализацию и вовремя убрался. А там дура-соседка по батарее стучала, вместо того чтобы патруль вызвать.

И что мне теперь делать? Выбросить эту историю из головы? Да, но убийство имело место... Ясно, что дело нечисто».

Так и не придя ни к какому выводу, Надежда вышла на своей остановке и в глубокой задумчивости пошла к дому. Поэтому она не заметила, как следом за маршруткой остановилась неказистая синяя машина. Из нее вышел молодой человек и медленно пошел за Надеждой, одновременно разговаривая по мобильному телефону.

Убедившись, что Надежда Николаевна идет к своему подъезду, молодой человек перестал делать вид, что разговаривает, и на самом деле набрал нужные кнопки. Когда ему ответили, он сказал только одно слово: «Жду».

Через некоторое время рядом с синей машиной припарковался скромный серый «Опель». Из него вышла молодая женщина, подчеркнуто скромно одетая – джинсы, кроссовки, темная маечка. Она постучала в окно, водитель вышел, и она протянула ему ключи от «Опеля». Сама же села в синюю машину и уехала, а «Опель» тихонько въехал во двор и припарковался напротив подъезда Надежды.

Неприметный человек в неприметной машине, которого никто не замечал, наблюдал за этими маневрами, морщась и вздыхая. Учил-учил, а все без толку. Ничуть не скрываясь, при всем честном народе пересаживаются, меняются ключами... Никакого профессионализма у этих молодых!

На данном этапе всей группе повезло, поскольку наблюдательная соседка Антонина Васильевна пила чай и смотрела сериал по телевизору. Никак нельзя было пропустить, там назревали семейный конфликт и важные перемены.

Руководитель группы, умеющий быть таким незаметным, находился в некотором недоумении по поводу этой Надежды Лебедевой. На вид – самая обычная женщина, домохозяйка. Отчего же крутилась она во дворе, где жила убитая, и расспрашивала дворника?

Не похожа она на праздно шатающуюся зеваку. Хотя все возможно, при своей трудной работе он повидал множество самых разнообразных человеческих характеров. Нужно, нужно за ней проследить, поскольку, откровенно говоря, нету у него больше никаких версий, кто мог убить Елизавету Петровну Куркину, так звали убитую. Хотя бы какую ниточку получить.

У полиции, кстати, тоже ничего нет. Ну, опросили они соседей, никто ничего не видел, жила покойная тихо, незаметно, ни с кем дружбу не водила, с родственниками связи не поддерживала. Полиция посчитала ее случайной жертвой ненормального да и смирилась с еще одним безнадежным висяком.

У него, конечно, сведения о покойной более полные, однако тоже нет пока никакой вменяемой версии. Вот разве что эта Лебедева... Нужно ее разрабатывать.

С утра Надежда засобиралась за теткиными очками. Тетка, кстати, уже два раза звонила и напоминала, что именно сегодня они готовы. Она, дескать, уже в мастерской интересовалась.

– Да помню я, помню! – сначала Надежда отвечала терпеливо, затем раздраженно, потом просто бросила трубку.

На улице снова стояла несусветная жара, даже утром градусник показывал двадцать семь, так что же к вечеру-то будет, когда асфальт нагреется... Поэтому Надежда надела открытую маечку и новую шелковую юбку.

Как починили тетнины очки, Надежде не понравилось – топорно, по старинке.

– Зато никогда больше не поломаются, это я вам гарантирую, – с обидой сказал мастер, перехватив ее недовольный взгляд. – Вам красота нужна или надежность?

– Да это не мне... – с досадой ответила Надежда, представляя, что выслушает от тетки, – ну, хорошо, спасибо вам.

– То-то, – бросил он и отвернулся.

Надежда спрятала очки в сумку и поспешила на выход. У нее было поблизости еще одно важное дело. Выйдя в соседний двор, она огляделась. Ничего не изменилось – те же чахлые кустики, покрашенная скамеечка. Только мусорные баки были пусты и не валялась рядом куча разломанной мебели.

– Так... – протянула Надежда, – стало быть, порядок навели... это хорошо...

В сторонке остался рисунок Игоря – маленькая девочка с куклой под мышкой. Рисунок был неумело огорожен камешками и веточками – как видно, девочка не хотела расставаться со своим портретом. Хотя все равно до первого дождя.

Надежда наклонилась ближе. Все-таки у Игоря – большой талант, зря Галина заставляет его тратить время на тусовки да на эти, как она говорит, суаре... с ума сойти, бедный Игорь!

– Не трогайте! – закричал детский голосок, и рядом появился оригинал портрета. – Не стирайте!

– Да я и не собиралась ничего трогать, – сказала она девочке, – просто посмотреть...

– Вы, женщина, что хотели? Что вам тут нужно? – Это подросла мать девочки.

Все было как два дня назад – дворничиха с метлой, девочка с конфетой, только куклы у нее в руках не было.

– Да я тут позавчера была вот с художником, – Надежда кивнула на портрет на асфальте, – мы с вами еще разговаривали. А сейчас просто из «Оптики» иду.

Она достала из сумочки большую конфету и дала девочке.

– Смотрю, чисто у вас, как не было беспорядка, – начала Надежда издали.

– Да уж, – пригорюнилась дворничиха, – был человек и нету, даже вещей не осталось. Квартира пустая.

– Плохо, когда одинокий человек умирает, – поддержала Надежда разговор, – вспомнить его некому. Эта женщина из семнадцатой квартиры одинокая ведь была, нелюдимая, так?

– Елизавета Петровна-то? – встрепелась дворничиха.

«Стало быть, ее тоже Елизаветой звали, – подумала Надежда, – а что такого, та ей какой-нибудь прабабкой приходилась, верно. Или более дальней родней».

– Одинокая – это да, – согласилась дворничиха, – но не скажу, что нелюдимая. Просто на лавочке сидеть не любила со старухами. Да и то сказать, что там высидишь-то? Одни сплетни.

– Это верно... – Надежда подумала, что пора ей уходить, потому что дворничиха глядела уже с легким подозрением и на дальнейшие вопросы отвечать не собиралась.

Девочка с грустью разглядывала рисунок, который начал понемногу смазываться.

– А хочешь, я поговорю с тем художником, чтобы он твой портрет нарисовал на бумаге? – спросила Надежда. – Он по памяти нарисует, а я тебе потом передам. Бесплатно, – добавила она, заметив, как мать нахмурила брови.

Девочка просияла и запрыгала перед ними на одной ноге.

– Вот сейчас ему сразу и позвоню... – Надежда раскрыла сумку, поискала там мобильный телефон и вроде бы случайно выронила старинную открытку.

Девочка подняла ее и рассмотрела.

– Это не живая тетенька, а кукла, – сказала она.

– Ну да, а ты что – видела где-то такую куклу? – перешла Надежда к делу.

– Конечно, у Елизаветы Петровны... Она мне поиграть не давала, а только из своих рук посмотреть. Говорила, вещь ценная, ей дорога как память.

– Вот как? – пробормотала Надежда. – Стало быть, кукла у нее действительно была.

– Точно такая же, в синем платье, – охотно подтвердила девочка, – с зонтиком.

– Ничего не осталось, стоило беречь как память... – вздохнула дворничиха. – Вот я скажу, женщина она была непростая. Потому как сестра-то ее двоюродная из Вологды после того, как мусор выбросила, задумала замки менять. Вызвала мастера, он так ругался. Это, говорит, такой замок сложный, удивительный, такой и в магазине не продается. И стоит он очень дорого. И его, говорит, никакой отмычкой не откроешь, только ключами. Да и ключи-то не сделаешь. А ты, говорит, тетеха вологодская, поставишь самый обычный, который пальцем открыть можно. Все замки, что в магазине продаются, от честных людей. Только этот вот замок настоящий.

Ну, она его не послушала, велела все равно менять. Я потому знаю, что насорили они на лестнице, меня управдом послал убирать.

– А вы, значит, к ней тоже убирать ходили? – спросила Надежда осторожно.

– Не то чтобы постоянно... но если нужно... – замялась дворничиха. – А вот как-то прихожу я к ней, она мне дверь открывает бледная такая, дышит с трудом. Я вижу, что человеку плохо, врача вызвать, спрашиваю, или уж «Скорую»...

Не надо, говорит, этого врача, а вот незадача, телефон у нас отчего-то не работает.

А ведь и верно, с утра что-то они там чинили, молчат все телефоны у них в подъезде. Позвони, говорит, по телефону, только не по мобильному. Номер запомни, я и запомнила, до сих пор в голове сидит. Два ноля, три пятерки, а как там спросят добавочный, то скажи – восемьдесят один. И больше ничего, сразу трубку вешай. Ну, я пошла в наше ТСЖ да и позвонила. Еще управдом прицепился – чего тебе да зачем служебный аппарат занимаешь. Я ему ничего не сказала, а только выхожу во двор – смотрю, машина у подъезда стоит. И человек выходит – сразу видно, что доктор. Вот так вот.

– Ладно, пойду я. – Надежда внезапно заторопилась, потому что стало ей как-то неуютно. – Насчет портрета не беспокойтесь, раз обещала, то сделаю.

Все разошлись, во дворе снова стало пусто, и тогда материализовался тот самый неприемный мужчина. Все это время он отсиживался в кустах. Женщины говорили довольно тихо, он не все расслышал, однако видел, что та, Лебедева, показала какую-то бумажку. Потом оглянулась опасливо и заторопилась к выходу.

Да, можно, конечно, нажать на дворничиху и выяснить, о чем они говорили. Но тогда придется раскрываться, а этого ему пока делать не хочется. Рановато. А лучше бы и совсем не надо, хорошо бы все тихо сделать, без лишнего шума.

Надежда заехала еще к тетке, выслушала ее нелестные замечания и поехала домой. Тетка не слишком распиналась – потому что Надежда с ней не спорила – да, конечно, очки починили плохо, да, она не сумела приструнить мастера, да, нет у нее ни хватки, ни принципиальности, да и активной жизненной позиции не хватает, да, если случится что серьезное, на нее нельзя положиться. Естественно, тетка быстро затихла – кому охота ругаться, если никто не возражает.

Надежда молчала вовсе не по кротости характера, она просто усиленно думала. Стало быть, китайская кукла у убитой женщины точно была, девочка ее видела. И можно предположить, что неизвестный убийца приходил к той женщине за куклой. Только зачем убивать? Ну, стукнул бы по голове, много ли немолодому человеку нужно? Забрал бы куклу да и пошел себе. А этот, видите ли, еще и непотребство такое устроил. Не сходится что-то. Там, в музее, все сделали аккуратно и быстро. А здесь все наоборот.

Теперь насчет замка. По всему получается, что открыла эта женщина дверь сама. Потому что мастер по замкам точно знает, уж очень он тот замок нахваливал. Но опять-таки не сходится, поскольку дворничиха говорила, что дама была осторожная, кому попало ночью бы дверь ни за что не открыла. Опять же случай с телефоном. Дворничиха такое придумать не смогла бы. И номер запомнила, Надежда, кстати, тоже на всякий случай в памяти его отложила. Два ноля, три пятерки, а когда там спросят добавочный, сказать – восемьдесят один. И все, дальше они сами знают. Записать, что ли? Да ладно, так запомнится.

Остальной день прошел в суете и сомнениях. Делая котлеты, запихивая белье в стиральную машину и протирая пол, потому что негодник кот разбросал везде гранулы из своего домашнего туалета, Надежда думала, что же ей делать. Либо все бросить и записаться на курсы макраме или квилта (ужас какой!), либо продолжать расследование странного похищения китайских кукол.

Надежда тяжело вздохнула. Все знакомые, узнав, чем она занята, хором посчитали бы, что она просто мается дурью.

– Но мне интересно! – сказала Надежда. – Ужасно интересно узнать, в чем там дело с этими куклами.

И тут же оглянулась испуганно – вдруг муж услышит? Все-таки разговаривать сама с собой долго нормальная женщина не может.

– Мур-рм... – послышалось снизу, и Надеждиной ноги коснулся пушистый бок.

– Мой дорогой, тебе лучше? – обрадовалась она и взяла кота на руки. – Сегодня не так жарко, ты выглядишь бодрее.

Кот позволил себя поцеловать, но глядел искательно, пока до Надежды не дошло, что он хочет котлету.

– Вот так всегда, – она машинально дала ему две, – всем от меня нужны только материальные блага, никто ласкового слова просто так не скажет.

Оказалось, что муж снова стоял в дверях и слышал ее слова. И ужасно обиделся.

Утром все сомнения исчезли, и Надежда решила съездить по адресу, что дала ей Юлия в музее. В доме под номером двенадцать в Перекидном переулке проживала когда-то Мария Ставрогина, та самая, что прислала открытку, подруга Елизаветы Перовской. Судя по открытке, у нее тоже была своя кукла. Все было бы правильно, если бы не было это сто лет назад. Однако больше Надежда ничего не могла придумать. Какой-то противный червячок точил и точил ее изнутри – нужно что-то делать, нужно куда-то пойти.

За сто лет, конечно, много всего произошло, но тот самый дом был на месте, это Юля сказала точно. Уже хорошо.

На улице сегодня было не так жарко, так что Надежда надела светлые брюки и блузку в цветочек. Еще прихватила яркую сумку и накрасила губы бантиком. Получилось не то чтобы легкомысленно, но от такой тети никто не ждет никакого подвоха. Это и хорошо.

Первой, на кого натолкнулась Надежда, выйдя из подъезда, была соседка Антонина Васильевна.

– Утречко доброе, Надя, – сказала она, не оборачиваясь, так что Надежда привычно удивилась – локатор у нее, что ли? Или камера на спине? Или же по шагам она людей узнает?

Как обычно, она ответила на приветствие и попробовала проскользнуть мимо, не вступая в разговоры, и, как обычно, у нее это не получилось. Антонина, не глядя, протянула руку и схватила Надежду за локоть – так кот, вроде бы равнодушно смотрящий в сторону, прижимает лапой бедную полузадушенную мышь.

– Надя, не нравится мне эта серая машина, – проговорила Антонина. – Ох, не нравится! Стоит и стоит вон там с раннего утра, я еще с балкона ее заметила.

– Ну, вчера вам синяя не нравилась, сегодня серая. – Надежда пробовала отмахнуться, но не тут-то было.

– В этом-то все и дело, – серьезно заметила соседка, – вчера синяя так стояла, потом уехала, сегодня серая на том же месте, незнакомая, опять же, а водитель тот же самый!

– Да что вы? – недоверчиво прищурилась Надежда. – Вы в этом уверены?

– Раз говорю – значит, знаю! – отрубила Антонина Васильевна. – Мне с балкона хорошо видно было, когда он окно открывал, а один раз банку из-под кока-колы ходил выбрасывать вон в урну.

«Точно у Антонины подозрительная труба на балконе!» – подумала Надежда.

– И сидит, и сидит, никуда не уходит, – продолжала Антонина сердито, – вот чего ему надо, чего ждет? Ежели нанятый водитель, то уж сколько времени зря простаивает, столько денег лишних! А если бабу какую ждет, то уж давно терпение у мужика лопнуло бы, и газанул бы он из нашего двора куда подальше! Опять же машины разные...

– Ну-у... – протянула Надежда, – возможно самое простое объяснение. Может, следит он за кем-то. Допустим, жена ревнивая сыщика наняла, или муж жену подозревает...

– Угу, и кто к кому ходит? – ехидно спросила Антонина. – У нас только Лилька Маслова из двадцать девятой вольного поведения девушка, так она третьего дня в Турцию улетела. С хахалем, между прочим.

– Все-то вы знаете... – пробормотала Надежда, – полностью в курсе событий.

– Не все. – Антонина Васильевна никак не отреагировала на сарказм в Надеждином голосе. – Чужая душа, как известно, – потемки. Но вот что я точно знаю, что мужики у нас в подъезде все приличные. Некоторые просто этим делом не интересуются – по возрасту там или вообще по бабам не бегают, вот как твой муж.

Надежда нахмурилась – не хватало еще собственного мужа с соседками обсуждать.

– Некоторые семей замотанные, с работы на дачу, с дачи прямо на работу, им не до баб, – продолжала Антонина, – а которые с посторонними бабами валандаются, те знают, что домой в отсутствие жены их лучше не приводить.

«Потому что ты, Недреманное Око, все видишь и незамедлительно жене сигнализируешь», – мысленно усмехнулась Надежда.

– Вот я и думаю, что неладно тут что-то с этим «Опелем», – вздохнула Антонина, – позвонила участковому нашему, Виктору Сергеичу, так он в командировке. А дежурный в отделении отмахнулся, невежливо так ответил. Я ему говорю – проверьте хоть машину, серый «Опель» за номером семьсот восемьдесят пять УГУ, может, за ней что числится? Угу, он мне отвечает, сейчас все брошу и буду проверять. В машине что – труп лежит? Да нет, говорю,

вроде водитель живой, шевелится. Ну, так и не отнимайте, говорит, бабушка, время у занятых людей. И трубку повесил. Ну, с ним-то я еще разберусь...

Надежда с большим трудом обошла Антонину, поскольку та отличалась завидной комплекцией, и пошла к проспекту, чтобы перехватить там нужную маршрутку. Водитель, как водится, разговаривал по мобильному телефону, вел машину одной рукой и к тому же на недопустимой скорости. Тормозил он так резко, что, даже сидя, приходилось держаться, чтобы не ткнуться носом в переднее сиденье. В конце концов сзади ребенок чуть не свалился на пол, заплакал, и его мать заорала на водителя:

– Как везешь? Люди же живые все-таки!

Надежда оглянулась и заметила, что следом за маршруткой едет неприметный серый «Опель». Кажется, тот самый... Да не может быть, это совпадение.

– Давайте поменяемся, – предложила она маме с ребенком, – на моем месте не так трясет.

Теперь, сидя сзади, она смогла разглядеть номер серого «Опеля». 785 УГУ.

– Угу, – пробормотала себе под нос Надежда, – это становится интересным...

Следует не прятать больше голову в песок и не отмахиваться от соседки Антонины Васильевны, а посчитать, что этот подозрительный тип в сером «Опеле» следит за ней, Надеждой Лебедевой.

Но почему? Чем она его заинтересовала? Неужели это связано с китайскими куклами?

Так, будем рассуждать здраво. Если Антонина Васильевна права и тот же самый человек ездил раньше на синей машине, то когда она ее заметила во дворе? Позавчера, следовательно, попасть в поле его зрения Надежда могла накануне.

А что она делала накануне? Ага, ездила чинить теткин очки, да будь они неладны совсем. Стало быть, именно там, возле оптики, она и попала в поле зрения этого типа, который меняет машины, как перчатки. Неприятно.

Тут она заметила, что едва не проехала нужный поворот, и закричала водителю, чтобы остановился за перекрестком.

Выйдя из маршрутки, Надежда подавила в себе желание оглянуться. Она вспомнила многочисленные прочитанные детективы, там прямо сказано, что ни в коем случае нельзя дать понять, что обнаружила слежку. Однако как бы остановиться? Сделать вид, что нужно завязать шнурок? У нее вообще обуви без шнурков...

Надежда раскрыла сумку и ловко выронила из нее косметичку. Нагнулась и, бросив снизу взгляд, ничего у себя за спиной не обнаружила. Может, все-таки тот серый «Опель» ехал вовсе не за ней? Однако она очень подозрительно относилась ко всякого рода совпадениям, поэтому вдруг рванула с места, как была, присевши, с низкого старта. Путь ее лежал к переходу, там как раз зажегся зеленый для пешеходов. Бросив быстрый взгляд по сторонам улицы, она заметила серый «Опель». Вот он, голубчик, в правом ряду.

Надежда ускорила шаг, озабоченно поглядывая на светофор, затем юркнула в небольшой продуктовый магазин и осторожно выглянула в окно. Автомобили тронулись, водителю серой машины никак невозможно было развернуться посреди улицы. Это если он следит за Надеждой. А если по своим делам едет, то сейчас скроется из глаз.

Не тут-то было. «Опель» свернул в карман возле дома, стало быть, ищет место для парковки. Надежда выскочила из магазина и пошла быстрым шагом, сделав равнодушное лицо. Она как раз успеет скрыться, пока он там возится.

Надежда Николаевна перешла по мосту через Екатерининский канал, свернула в тихий переулок и увидела красивый пятиэтажный дом девятнадцатого века. Фасад дома украшали коринфские колонны и лепные балконы, которые поддерживали мускулистые атланты и пышнотелые кариатиды. На парковке перед этим домом стояли дорогие представительные машины, из чего можно было сделать вывод о процветании расположенной здесь фирмы.

Над дверью висела камера наружного наблюдения, но Надежда спокойно вошла внутрь. Здесь к ней обратился вежливый молодой человек в приличном темно-сером костюме.

– Разрешите узнать причину вашего визита?

– Безобразие! – выдохнула Надежда, попытавшись испепелить молодого человека взглядом. – Натуральное безобразие!

Тот, однако, ничуть не смутился, должно быть, он не в первый раз сталкивался с такой реакцией.

– Что конкретно вы имеете в виду? – сдержанно спросил он, отступив на полшага.

– Мне прислали вот этот счет! – заявила Надежда Николаевна, вытащив из сумочки целую стопку распечаток. – То есть вот этот... нет, этот, но это неважно! Короче, мне прислали счет за пользование интернет-тарифом «Все учтено», а я им никогда не пользовалась!

– Значит, у вас претензия... – перебил ее молодой человек. – Со всеми претензиями нужно обращаться в отдел претензий, это шестой кабинет. Пройдите по первому этажу налево.

Надежда Николаевна сухо поблагодарила его и зашагала в указанном направлении.

Шестой кабинет оказался большой комнатой, в которой сидели за одинаковыми офисными столами четыре одинаково замотанные женщины. Три из них разговаривали с клиентами, четвертая была свободна. К ней-то и направилась Надежда.

– У вас претензия? – строго осведомилась сотрудница.

– Да, претензия! Дело в том, – Надежда говорила быстро и неразборчиво, – дело в том, что мне прислали счет за пользование интернет-тарифом «Все учтено» со скоростью трафика пятьдесят тысяч чего-то в секунду, но я им никогда не пользовалась!

– Какой тариф? – переспросила служащая компании.

– Тариф «Все учтено», со скоростью пятьдесят тысяч в секунду, а я пользуюсь тарифом «Все включено», со скоростью сорок тысяч!

– Сорок тысяч чего?

– Девушка, милая, вы слишком много от меня хотите! Там что-то такое написано, но очень мелко!

– Позвольте взглянуть на ваш счет!

– Это всегда пожалуйста! – Надежда высыпала на стол целую груду бумажек.

Служащая углубилась в их изучение, а Надежда занялась тем, ради чего и пришла в этот кабинет: она выглянула в окно.

Через это окно ей не удалось разглядеть грифона, стерегущего мост, а ведь Юлия говорила, что грифон виден из бывшей комнаты Марии. Сам мост тоже не был виден, окно выходило на другое здание, тоже построенное в девятнадцатом веке, но несколько более скромное, чем то, которое занимала фирма «Телесеть».

Надежда мысленно представила себе план здания и расположение моста. По всему выходило, что нужная ей комната находится левее отдела претензий.

Служащая компании тем временем изучила бумажки и подняла на Надежду удивленный взгляд:

– Что вы мне принесли?

– А в чем дело, в чем дело? – затараторила Надежда. – Я же вам русским языком объясняю, что мне пришел счет за тариф «Все учтено», который пятьдесят тысяч, а я пользуюсь тарифом «Все включено», который сорок тысяч...

– Я здесь вообще не вижу наших счетов! – перебила ее служащая. – Вот это, например, квитанция из химчистки, а это – действительно счет, но за электроэнергию.

– Из химчистки? – удивленно переспросила Надежда и потянулась через стол. – Надо же, а я думала, что ее потеряла! Спасибо вам, женщина, большое спасибо!

– Пожалуйста, – процедила служащая сквозь зубы. – А где же наш счет, по которому у вас претензия?

– А он, наверное, в другой сумке остался, в голубой! Я ведь сегодня хотела выйти в голубых босоножках, а к ним нужна голубая сумка, правда? Вот я и сложила все бумажки в голубую сумку... А потом увидела, что у голубых босоножек ремешок порвался, и пришлось надеть зеленые. А разве можно к зеленым босоножкам взять голубую сумку? Вот вы скажите – разве можно?

– Нельзя... – пробормотала служащая, у которой голова уже кружилась от Надеждиной болтовни.

– Правильно! – обрадовалась Надежда Николаевна. – Никак нельзя! Поэтому я взяла вот эту сумку, зеленую, а бумажки, наверное, не переложил... так что я к вам в другой раз приду! – с этими словами она сгребла со стола все свои бумажки и с довольным видом покинула отдел претензий.

Служащая вытаращила глаза ей вслед. На странной посетительнице не было вообще никаких босоножек – ни зеленых, ни голубых. На ней были скромные тапочки – светлые, под цвет брюк.

Выйдя из этого отдела, Надежда повернула налево, но дальше коридор был перегороден временной перегородкой, на которой висела табличка:

«Проход запрещен. Ремонт».

Надежда Николаевна разочарованно уставилась на эту перегородку. Однако не в ее правилах было отступать перед препятствиями. Она обогнула перегородку и пошла вперед, сделав вид, что не заметила строгую табличку.

Однако тут же наткнулась на мрачного лысого дядечку в аккуратном синем комбинезоне, который распекал за что-то молоденького маляра. Дядечка строго уставился на Надежду и проговорил:

– Женщина, куда вы идете? Вы что – читать не умеете? Здесь же русским языком написано – проход запрещен, а вы идете! А если с вами что случится – кто виноват будет? Васильев будет виноват, поскольку он – ответственное лицо! А ему это надо? Нет, ему это не надо! Васильев, между прочим, это я!

– Извините! – пробормотала Надежда и с виноватым видом вернулась за перегородку.

Однако она не собиралась отступать. Оглядевшись по сторонам, Надежда увидела возле перегородки неплотно прикрытую дверь, за которой виднелся чулан, в котором уборщица держала свой инвентарь. Проскользнув в этот чулан, она увидела висящий на гвозде синий халат. Этот халат она тут же напялила на себя (хотя он оказался ей немного маловат), повязала голову таким же синим платочком, вооружилась красным пластмассовым ведром и шваброй и на этот раз смело прошла мимо перегородки со строгим предупреждением.

Лысый дядечка Васильев был на прежнем месте. Он снова кого-то распекал, на этот раз, скорее всего, электрика. Увидев Надежду в ее маскировочном обмундировании, он на секунду отвлекся от своего занятия и строго сказал ей:

– Зульфия, сколько тебя можно ждать? Я же тебе велел прибраться в двенадцатой комнате, там уже маляры должны начинать! Ты всех задерживаешь!

– Я, вообще-то, не Зульфия... – робко проговорила Надежда. – Зульфия сегодня взяла отгул.

– А мне без разницы, – отмахнулся Васильев и вернулся к своему прерванному занятию. Надежда обошла его и открыла следующую дверь.

По ее расчетам, именно здесь должно было находиться окно, из которого был виден грифон.

Однако в этой комнате полным ходом шел ремонт, причем, судя по всему, его начальная стадия – трое работяг в покрытых цементной пылью комбинезонах ломали стену и разбирали на составные части красивую изразцовую печь.

– Ты куда? – окликнул Надежду один из этих рабочих, видимо, бригадир. – Тут еще убираться рано, тут сейчас самая грязь пойдет! Ты сюда часа через два приходи, когда мы демонтаж закончим!

– Ничего не знаю, – огрызнулась Надежда. – Мне Васильев велел здесь убирать – вот я и пришла.

И она с целеустремленным видом направилась к окну.

– Ну, раз Васильев велел – тогда ладно... – равнодушно отозвался бригадир и продолжил свое занятие.

А Надежда между завалами строительного мусора пробралась к окну и выглянула в него.

Это было именно то окно, о котором писала сто лет назад юная девушка Маша писателю Скабичевскому: в него был отлично виден каменный грифон на мосту.

Да, подумала Надежда, она нашла Машино окно, соответственно, нашла Машину комнату. Однако если она рассчитывала найти в этой комнате ключ к истории с китайскими куклами или хотя бы какой-то маленький фрагмент этой головоломки – ей явно не повезло. Понятно, что самой Маши давным-давно нет на свете, но в этой комнате не осталось никаких ее вещей, никаких следов ее жизни, и саму эту комнату сейчас разрушают равнодушные рабочие.

Надежда уже хотела покинуть комнату и вернуться к своим повседневным делам, но в эту самую секунду произошло нечто неожиданное.

Один из рабочих ударил кувалдой по стене и вдруг удивленно выругался.

– Петрович, – проговорил он, отступив в сторону и повернувшись к бригадиру. – Глянька, тут никак тайник!

– Какой еще тайник? – недовольно проворчал бригадир. – Что ты такое несешь? Там просто дымоход, наверное!

– Да ты сам-то погляди! – рабочий отступил еще на шаг, освободив дорогу бригадиру. – Лежит там что-то!

Бригадир подошел к пролому к стене, запустил в него руку и вытащил какой-то предмет сантиметров тридцать длиной, завернутый в пожелтевшую от времени бумагу. Это была не оберточная бумага, а страница из старой, возможно, даже дореволюционной газеты или журнала.

– Что же это такое? – теперь уже все рабочие столпились вокруг бригадира. И Надежда Николаевна во все глаза смотрела на его находку, перестав изображать трудолюбивую уборщицу.

Бригадир тем временем развернул бумагу.

Все присутствующие увидели старинную куклу – юную китаянку с прелестным фарфоровым личиком, в платье из темно-красного шелка. Одной рукой она кокетливо придерживала край платья, в другой держала изящный веер.

– Кукла! – разочарованно протянул рабочий, нашедший тайник.

– А ты что думал, Павлик – золото и бриллианты нашел? – проворчал бригадир.

– Ну... вообще-то, да!

– Ага, размыштался! – вздохнул бригадир. – Вообще-то, Павлик, имей в виду, что от всяких таких находок больше неприятностей, чем чего хорошего! Начинаются всякие проверки – чье это, да когда спрятано, да не припрятали ли мы немножко... работать не дадут, и нам ничего не перепадет! Вот, помню, в девяносто пятом году работали мы в одном особняке...

– Да это же просто кукла, – вмешался третий рабочий. – Кому она нужна? Дайте ее мне, я своей внучке отнесу, у нее как раз день рождения, пять лет исполняется, а я без подарка!

– Ишь, чего придумал, Николай! – посерьезнел бригадир. – Внучке! Эта кукла тут, может, лет пятьдесят пролежала!

«Гораздо больше! – подумала Надежда. – Не меньше ста!»

– Это не иначе как музейная вещь! – продолжал бригадир. – И, по всем правилам, мы ничего не можем трогать, а должны передать любую находку представителю собственника. А дальше пускай он сам разбирается, что с ней делать. Так что сейчас ты, Павлик, возьмешь эту куклу и отнесешь ее заместителю здешнего директора по административно-хозяйственной части, проще говоря – АХЧ.

– А почему я? – расстроился Павел.

– А потому что ты ее нашел, а инициатива, как известно, наказуема.

– И где этот самый АХЧ сидит?

– Сидит он на пятом этаже, а зовут его Нодар Вахтангович. Так что давай быстро, одна нога здесь – другая там, потому как план и график работ никто пока не отменял!

Павел вздохнул, взял у бригадира куклу и поплелся прочь.

Надежда устремилась следом за ним: она хотела проследить за судьбой китайской куклы. Надо же, как ей повезло: именно в этот момент нашли в тайнике куклу, которую Мария Ставрогина, уходя на фронт сестрой милосердия, не стала доверять никому из знакомых, а спрятала в тайнике в своей комнате. Мария домой не вернулась, а кукла пролежала в тайнике сто лет, и именно сейчас...

В голове Надежды зашевелились сомнения – какое странное совпадение, – однако некогда было раздумывать, и она убыстрила шаг, чтобы поспеть за Павлом.

Однако в дверях она на мгновение задержалась, вернулась и подобрала старую газету, в которую была завернута кукла, – самый естественный поступок для уборщицы, коей она в данный момент представлялась.

Выйдя в коридор, Надежда увидела, что Павел подошел к лифту.

Она хотела было догнать его, но когда добежала до лифта, двери кабины уже закрылись.

Надежда не могла ждать: она выскочила на лестничную площадку и побежала вверх по ступенькам.

На первых порах адреналин поддерживал ее силы, и до третьего этажа Надежда добежала на одном дыхании. Но затем возраст дал о себе знать, и она пошла медленнее. Наконец она дотоптала до пятого этажа и остановилась, чтобы перевести дух.

Сердце колотилось, перед глазами мелькали черные точки.

«Нет, – думала Надежда, тяжело дыша. – С завтрашнего дня начинаю новую жизнь: каждое утро делаю зарядку, сажусь на диету... Ну, может быть, не с завтрашнего дня, но с понедельника – точно... или с первого числа, это будет удобнее... Тьфу, что я рассуждаю, как ленивая тетка, любящая покушать. Нужно просто начать бегать по утрам! Или тренажер купить...»

Наконец она отдышалась и вошла в коридор.

Павла не было видно в ближайших окрестностях, и, вообще, в коридоре не было ни души. Слева от Надежды, там, где находилась лифтовая площадка, раздавались какие-то монотонные ритмичные звуки. Надежда машинально направилась в том направлении – и застыла, как громом пораженная.

Звуки, которые она слышала, издавала дверь лифтовой кабины. Эта дверь то открывалась, то снова закрывалась с неприятным хлопаящим звуком. Но закрывалась она не до конца, поскольку ей мешал лежащий на полу предмет. Хотя вряд ли уместно называть предметом человеческое тело.

Да, на полу между створками дверей кабины лежало человеческое тело.

Приглядевшись, Надежда Николаевна узнала Павла, того самого рабочего, которого всего несколько минут назад бригадир строителей отправил с китайской куклой к заместителю директора фирмы Нодару Вахтанговичу.

Надежда наклонилась над лежащим телом – и поняла сразу две вещи. Или даже три.

Во-первых, Павел был мертв.

Во-вторых, он был убит – его горло было перерезано, на полу растеклась огромная лужа крови.

И в-третьих – китайской куклы при нем не было.

Ее не было у него в руках, ее не было на полу. Ее не было в кабине лифта – Надежда не побоялась заглянуть туда, осторожно перешагнув через мертвое тело.

Из этого опять же следовали сразу две вещи. Или даже три.

Во-первых, незадачливого Павла убили из-за этой самой куклы. Ведь совсем недавно из-за такой же куклы неизвестные злоумышленники проникли в музей-квартиру писателя-демократа Скабичевского. Правда, в тот раз, к счастью, обошлось без убийства. Но немного раньше кто-то убил несчастную Елизавету Петровну в том доме, возле которого Надежда встретила Игоря. И в той квартире тоже была китайская кукла, которая после ограбления пропала.

Во-вторых, тот, кто убил Павла, вряд ли успел далеко уйти: лифт остался на месте, а по лестнице никто не спускался, Надежда по пути никого не встретила. Слава тебе господи, что не встретила, а то он бы и ее, как свидетельницу...

А значит, в-третьих – он может прятаться где-то совсем близко, и, возможно, в этот самый момент он наблюдает за Надеждой.

Она вздрогнула, отскочила от лифта и испуганно огляделась по сторонам.

И в ту же самую секунду увидела промелькнувший в дальнем конце коридора человеческий силуэт.

Это был силуэт человека в развевающемся черном плаще, силуэт, который что-то напомнил Надежде... Она вгляделась в него – и поняла, что этот силуэт напоминает ей летучую мышь с широко раскинутыми угловатыми кожистыми крыльями.

Надежда моргнула – а когда она снова взглянула в ту же сторону, загадочного силуэта уже не было.

«Да и вообще, – подумала она, – наверняка этот таинственный силуэт просто привиделся под действием перенесенного стресса».

С лестницы, по которой она только что поднялась, донеслись голоса поднимающихся людей. Видимо, они шли, чтобы разобраться с застрявшим лифтом.

В первый момент Надежда обрадовалась, что кто-то придет и возьмет ситуацию в свои руки, она не будет больше одна, наедине с мертвецом, она расскажет обо всем, что видела, обо всем, что может помочь найти убийцу, в конце концов, просто выговорится...

Но тут же она осознала, насколько неправдоподобным любому постороннему человеку покажется ее рассказ – про китайских кукол, про открытку столетней давности, из-за которой она сюда пришла, про таинственный силуэт. К тому же она взглянула на себя со стороны, представила, как она выглядит – стоит над еще не остывшим трупом, над человеком, которому только что жестоко перерезали горло... Да ее саму запросто могут заподозрить в этом убийстве! Кроме нее, поблизости просто нет другого подозреваемого!

К тому же, взглянув на свои руки, Надежда увидела на них кровь. Наверное, испачкалась, когда дотронулась до мертвого тела.

Ну вот, если ее застанут на месте преступления с окровавленными руками – все, ее точно арестуют!

Правда, потом, возможно, отпустят, как говорится, за недостатком улик. Ведь у нее нет орудия убийства, и избавиться от него она никак не могла, и вообще, вряд ли женщина средних лет может справиться с крепким молодым парнем, но какое-то время ее продержат в полиции, и до мужа вся эта история точно дойдет.

Станут расспрашивать рабочих, те укажут на нее, как на уборщицу – и вот тогда начнется. Как она объяснит, для чего надела чужой халат и сунулась в бывшую комнату Марии Ставрогиной? Из-за куклы? Да кто ей поверит!

Шаги и голоса на лестнице приближались.

Надежда впала в панику. Она заметалась по коридору пятого этажа, но тут, к счастью, увидела неплотно прикрытую дверь туалета. Она юркнула туда и закрыла дверь за собой.

Переведя дыхание, Надежда подошла к зеркалу и внимательно оглядела себя.

Кроме крови на руках она заметила довольно большое пятно на рукаве халата и еще одно – на юбке.

Хорошо, что ее не застали в таком виде около трупа!

Она тщательно отмыла руки, замыла пятно на одежде и просушила ее бумажными полотенцами. Халат она скатала в небольшой комок и засунула в мусорную корзину, прикрыв мокрой бумагой. Причесалась и заново накрасила губы. Руки дрожали, и помада легла неровно, но Надежда решила оставить как есть.

Еще раз оглядев себя и не найдя в своей внешности больше ничего компрометирующего, она подошла к двери и прислушалась к доносящимся из-за нее звукам.

Из коридора доносились озабоченные, взволнованные голоса, кто-то уже распорядился авторитетным уверенным голосом, какая-то женщина плакала.

Надежда осторожно приоткрыла дверь, выглянула в коридор.

Возле открытой двери лифта стояли несколько человек. Все они смотрели на труп, ни на что другое не обращая внимания. Надежда воспользовалась этим благоприятным моментом, выскользнула в коридор и прокралась к лестнице.

Ее никто не заметил, и она тихонько спустилась на первый этаж.

По дороге ей никто не встретился, и Надежда приободрилась. Ей оставалось пройти совсем немного, а там – дверь на улицу, свобода и безопасность... Она уже видела в широком окне знакомый переулок и мостик с грифонами...

И там, рядом с мостиком, она увидела знакомый серый «Опель». Тот самый, который утром стоял возле ее дома. Тот самый, который ехал за ее маршруткой.

Следовательно, у нее не паранойя, за ней действительно следят. Да еще так ловко, она-то думала, что ушла от слежки. Стало быть, этот, в сером «Опеле», профессионал, может, у него какие-то приспособления есть, маячок там или еще что...

Как бы то ни было, сейчас самым главным было незамеченной выйти на улицу и уйти как можно дальше от этого здания.

Однако, когда Надежда уже подходила к выходу, ее остановил мужчина в черной униформе с нашивкой «Служба безопасности» на рукаве.

– Женщина, вы куда? – спросил он строго.

– Как – куда? – растерялась Надежда. – Я свои дела закончила и ухожу. А в чем, собственно, дело?

– Дело в том, что в здании совершено преступление, и мы получили приказ никого не выпускать.

– Как – не выпускать? – возмутилась Надежда. – Это безобразие! Это самоуправство! Вы не имеете права меня задерживать! У меня дома кот некормленный! И вообще – какие у вас основания меня задерживать? В чем вы меня подозреваете?

– Конкретно вас – ни в чем, – заверил ее охранник, несколько растерявшийся от такого напора. – Но у нас распоряжение выяснить личности всех находящихся в здании и записать их показания. Дело в том, что преступник еще может находиться внутри, его кто-то мог видеть... Вот вы, к примеру, кто такая? По какому делу вы сюда приходили? Ничего подозрительного не заметили?

– Эта женщина пришла по поводу каких-то претензий, – проговорил появившийся рядом с охранником молодой человек в приличном темно-сером костюме – тот самый, который встретил Надежду в холле и направил в отдел претензий. – У нее какие-то сложности со счетами.

– Со счетами? – ухватился за его слова охранник. – И как – вы разобрались с этими счетами?

– Да, разобралась, – ответила Надежда, глядя на него честными глазами. – Оказалось, что мне их прислали по ошибке.

– А документы у вас имеются? – не отступал охранник.

Надежда лихорадочно прикидывала, как ей выкрутиться, не предъявляя свои документы, как вдруг в коридоре появился еще один человек – мрачный дядечка в синем комбинезоне, прораб ремонтников по фамилии Васильев. Он был еще мрачнее, чем при последней встрече с Надеждой.

Подойдя к охраннику, он раздраженно проговорил:

– Когда вы моих людей отпустите? У меня и так один человек выбыл, а теперь и остальных не дают работать!

– Вы, вообще, понимаете, что произошло? – накинулся на него охранник. – У нас человека убили, а вы...

– А у меня сроки сдачи работ срываются! – перебил его Васильев. – И кто будет платить штрафные санкции, если я не успею вовремя? Ты будешь платить? Или Фрильоф Хансен?

– При чем здесь какой-то Хансен? – опешил охранник.

– При том, что он благотворительностью занимался! – отрезал прораб. – А у меня на благотворительность средств нет, мне семью кормить надо! А вы мне работать не даете!

Тут он заметил Надежду и переключился на нее:

– А ты, Зульфия, что здесь делаешь? Я тебе еще когда велел прибраться в двенадцатой комнате? Из-за тебя маляры простаивают, а ты здесь ласы точишь!

– Зульфия?! – удивленно проговорил охранник и взглянул на молодого человека в сером. – А ты сказал, что это клиентка по поводу претензий?

– Конечно, я по поводу претензий! – зачастила Надежда, достала из своей сумки стопку квитанций и замахала ими перед носом охранника. – Вот у меня тут счет на тариф «Все включено», а у меня – «Все учтено»... это же совсем разное дело! А что этот гражданин меня с уборщицей перепутал, так это даже удивительно! Я что – похожа на уборщицу? Какая я тебе Зульфия? – набросилась она на прораба. – Где ты тут видишь Зульфию? Совсем с ума посходили все!

Прораб махнул рукой и ушел, охранник же встряхнул головой, как после купания вытряхивают из ушей воду, и проговорил:

– Пойдите, женщина! У вас документы...

Но Надежда не дала ему закончить фразу. Она схватила охранника за руку, подтащила к окну и продолжила, округлив глаза:

– Вот вы меня спросили, не видела ли я чего-то подозрительного, так я как раз видела! Вон тот серый «Опель» здесь с самого утра стоит, и человек там внутри сидит и никуда не выходит! Вот вы сами посудите – если бы он к вам по делу приехал, он бы в здание вошел, вопросы свои решил и поехал бы домой или в другое место. А он там сидит как приклеенный и смотрит! Я когда мимо шла, то его заметила. Иногда просто так смотрит, а иногда в бинокль или в трубу какую-то! Так что вы вот его проверьте, вместо того чтобы посторонних людей допрашивать!

– Вы уверены, что это та же самая машина? – переспросил охранник, нахмурившись. – Мало ли похожих серых машин... Может, сперва вы одну видели, а теперь уже другая стоит...

– Если я что говорю, значит, я знаю! – перебила его Надежда Николаевна. – Я и номер его запомнила, потому что он мне сразу показался подозрительным.

– И какой же у него номер? – недоверчиво переспросил охранник.

– Номер его семьсот восемьдесят пять УГУ! – победно ответила Надежда.

– Угу... – охранник взглянул в серый «Опель» и еще больше помрачнел. – УГУ... действительно...

Он вынул из кармана переговорное устройство и проговорил в него:

– Третий, третий, это второй! Возьми-ка своих ребят и проверь серый «Опель», который стоит возле мостика. Что-то мне его водитель не нравится!

Пока он разговаривал со своими подчиненными, Надежда бочком продвинулась к двери и незаметно выскользнула на улицу.

Задержавшись на мгновение у дверей особняка, она увидела, как к серому автомобилю подскочили трое мужчин в черной униформе, вытащили из салона водителя и принялись его обыскивать. Водитель что-то возмущенно говорил и пытался сопротивляться, так что ему в конце концов вlepили пару затрецин.

«Это хорошо, – удовлетворенно подумала Надежда, – это тебя отучит влезать в чужие дела».

Тут же внутренний голос сказал ей, что радоваться нечему, что тип в сером «Опеле», судя по всему, следит за ней не просто так, и вообще он не один, раз машины разные – то серая, то синяя. И он знает, где Надежда живет, так что завтра она сможет увидеть его машину во дворе.

«Завтра будет завтра, – ответила Надежда, – а сейчас – домой. Буду сидеть тихо-тихо и заниматься хозяйством».

На такое заявление внутреннему голосу нечего было возразить, и он заткнулся. А Надежда приободрилась, сделала глуповатое выражение лица и пошла, не торопясь, к остановке маршрутки.

На самом деле ей хотелось бежать опрометью из этого места, где убивают ни в чем не повинных людей из-за какой-то куклы, но бегущий человек всегда выглядит подозрительно, поэтому она взяла себя в руки и шла спокойно, нарочно замедляя шаг, чтобы поглядеть на витрины магазинов, якобы ей интересно.

Сзади было все более-менее спокойно, ее незадачливого преследователя утащили внутрь. У входа в компанию «Телесеть» было тихо, никаких машин с полицейскими мигалками, даже «Скорой помощи» не было, очевидно, подъехали со двора.

Вот выскочила из неприметной машины высокая девица на высоченных же каблуках и понеслась ко входу, размахивая руками. Волосы ее развевались по ветру. Надежда нахмурилась было, что-то показалось ей странным, но девица уже скрылась за дверью. Надежда спохватилась, что пора делать ноги, и пошла быстрее.

Дома было тихо, чисто и не так жарко. Кот безмятежно спал на диване. Надежда приняла душ, чтобы смыть с себя все страхи и волнения. Но тревога не проходила.

Едва-едва не замешалась она в дело об убийстве. Этот тип, что убил несчастного парня, мог видеть ее и убить тоже, как ненужного свидетеля. Но на самом деле Надежда боялась не его, а того, что прихватила бы ее охрана, записала ее координаты, а потом сообщили бы в полицию, что она – свидетель преступления. А уж там-то взялись бы за нее всерьез – кто такая, зачем пришла, а самое главное – для чего вместо отдела претензий полезла на пятый этаж.

В этом месте Надежда сообразила, что на лестнице-то ее никто не видел, так что можно будет отпереться от всего – просто глупая рассеянная тетка квитанции перепутала, мало ли таких по инстанциям ходит, сами не знают, чего хотят. Эти, в отделе претензий, всякого повидали, а прораб тоже не станет настаивать, ему бы скорей работу наладить, больше его ничего не интересует. Но все-таки страху они на нее нагнали. Теперь она будет дома сидеть, и пускай те, кто за ней следит, во дворе ошиваются. Антонину на них напустить...

Неприметный руководитель группы наблюдал из укромного места, как его сотрудника, имеющего оперативный псевдоним Сом, выволокли из машины и потащили в помещение охраны. Тот отбивался и кричал, что этого так не оставит.

Что ж, ведет он себя правильно, но вот надолго ли его хватит? Бить-то сильно его все-таки не станут, не та контора, подумаешь – охрана в обычной коммерческой фирме, однако могут его полиции передать. А те уж начнут проверку по полной программе, он и раскиснет,

признается, из какой он организации. А полиция такого не любит, на веру ничего не примет, придется ему сообщить секретный телефон, в общем, парня-то, конечно, вытащат, но начальство будет недовольно, что его группа так глупо засветилась.

Нет, все-таки этот Сом не слишком соответствует, нужно будет с ним расстаться. И не Сом он, а карась обыкновенный, так будет вернее. Вот распутают они это дело, доложит он по начальству, и переведут парня куда-нибудь подальше, бумажки перекладывать. Все тихо, без шума и пыли.

А пока нужно своими силами этого болвана выручать. Ну, надо же, тетка-то эта, Лебедева, очень профессионально его вычислила. Хотя уж больно парень глуп. Даже и не глуп, а самоуверенный очень, других глупее себя считает. Думает – обычная домохозяйка, что с нее взять? Ох, уж эти молодые, учить их еще и учить!

Незаметный мужчина нажал кнопку мобильного телефона и сказал в трубку несколько слов. Через десять минут к нему в машину села та самая девушка, что передавала ключи Сому. Он был главный, а она – на подхвате, звали ее Шукой. Неприметный мужчина быстро ввел ее в курс дела, она кивала, не задавая лишних вопросов.

– Прикид поменяй, – сказал неприметный, – что-нибудь поярче, полегкомысленнее там...

«Уж сама знаю», – подумала Шука и поскорее опустила глаза, чтобы он не прочитал ее мысли.

– Зовут его как? – спросила она.

– А черт его знает, какие он документы в ход пустил... по ситуации там смотри.

– Ладно.

Она пересела на заднее сиденье и вместо простой майки надела яркую кофточку с глубоким вырезом. Распустила гладко заколотые волосы, взлохматила их и наредила губы красной помадой. Сбрызнула себя духами, от запаха которых неприметный поморщился, и выскочила из машины, всунув ноги в босоножки на высоком каблуке. Глядя ей вслед, руководитель одобрительно цокнул. Даже походка у Шуки изменилась. Вместо крадущейся бесшумной походки она теперь бежала неуклюже, загребая ногами. А как еще побежишь на таких каблуках?

Шука ворвалась в помещение фирмы с топотом и грохотом, сметая все на своем пути, как целое стадо носорогов. Молодой человек приступил к ней с обычным вопросом – куда она идет и зачем, но девица мигом определилась, оттолкнула его и свернула в узенький коридорчик, который прямым путем привел ее в комнату с мониторами. Именно там держали сейчас ее незадачливого напарника. Вид у него был весьма плачевный. Под глазом назревал здоровенный синяк, и шею он держал вбок, видно, здорово по этой шее попало.

Шука усмехнулась про себя – сильный же парень, ему этих увальней из охраны размазать по стенке ничего не стоит, а вот приходится терпеть такое отношение.

– Вам, девушка, чего? – выверился на нее толстый охранник. – Покиньте служебное помещение!

– Милый! – заверещала девица. – Милый, дорогой, что они с тобой сделали?

– Вы кто? – оторопел охранник, бросившись наперерез, но Шука отмела его одним жестом и устремила к задержанному парню.

– Котик мой, зайчик! – она упала перед ним на колени. – Прости! Прости свою мышку!

Сом явно был не в лучшей форме, потому что мелькнула в его глазах некоторая растерянность. То есть ее-то он, разумеется, узнал и понял, что она явилась ему на выручку, но вот что конкретно ему делать, он понятия не имел.

«Не догоняет, – в раздражении подумала Шука, – трудно с ним работать, туповат у нас Сом».

Она незаметно ткнула его кулаком в бок и проговорила одними губами: «Кто ты?» Потому что понятия не имела, какие документы он предъявил охранникам. Сом вострепнулся, сделал попытку встать.

– Сидеть! – грозно заорал охранник. – Не рыпаться! Мы с тобой еще не закончили!

– Милый! – зарыдала Щука. – Прости! Прости свою Лолиточку! Я больше никогда, никогда так не буду!

– Ну не надо, не надо, малыш... – Сом наконец вступил в игру, – это недоразумение, все разъяснится...

– В чем тебя обвиняют эти ужасные люди? – Щука вскочила на ноги и уставилась на охранников, сверкая глазами. – Эти монстры! Эти дикари! Эти людоеды!

– Полегче, гражданочка... – заговорил толстый охранник, – мы при исполнении.

– Да я понятия не имею! – заговорил Сом более уверенно. – Сажу спокойно в машину, никого не трогаю, ничего не нарушаю. Вдруг бегут, хватают, тащат сюда, бить начинают, документы требуют. Я им говорю: «Я – Карасев Михаил Леонидович...»

– Мишенька! – пожарной сиреной взвыла осведомленная Щука. – Прости свою Лолиточку!

– Гражданка, предъявите документы! – сказал охранник, но в голосе его не было уверенности.

– Это почему же? – вроде бы спокойно начала Щука. – Это по какому праву ты у меня документы спрашиваешь? Ты что – меня на входе с товаром задержал? Да у вас в этой дыре и красть-то нечего! Или, может, я тут нахулиганила? Да я и близко к дверям этой забежаловки не подходила, сейчас только пришла его спасать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.